

НОРВЕЙН ПЕТЕР

18+

ЧЁРНЫЕ
КРЫЛЬЯ
ЗИККУРАТА

Крылья зиккурата

Морвейн Ветер

Чёрные крылья зиккурата

«Автор»

2013

Ветер М.

Чёрные крылья зиккурата / М. Ветер — «Автор»,
2013 — (Крылья зиккурата)

ISBN 978-5-532-04099-1

Риана - пленная воительница из погибшего народа крылатых. Созданная Старейшинами лишь для того, чтобы умереть, спасая свой народ. Когда единственной надеждой становятся мысли о скорой смерти, судьба подбрасывает ей новый шанс. Риана получает приказ внедриться в доверие к третьему патрицию Вечного Рима - могущественному и опасному Маркусу Цебитару. По приказу хозяина она должна вонзить нож в его сердце. Однако Риана ещё не знает, что ждёт её в доме нового господина, и кому она станет служить.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Арена	8
Глава 2. Сражение	13
Глава 3. Встреча	18
Глава 4. Гетера	26
Глава 5. Рабыня	33
Глава 6. Договор	37
Глава 7. Ужин	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Морвейн Ветер

Чёрные крылья зиккурата

Пролог

Пленница повела плечом, силясь размять затёкшие мышцы. Звякнули звенья цепи, спиралью опутавшей тело от шеи до ног. Риана стояла на коленях – цепь, закреплённая у стены, не позволяла подняться в полный рост.

Риана не знала, сколько дней прошло за стенами её тюрьмы. Она не пыталась считать, потому что не имела возможности ни делать зарубки, ни наблюдать лучи света, ползущие под потолком – в темнице не было ничего, что позволило бы пленнице ощутить хотя бы тень власти над собой.

Она не знала, сколько времени прошло, но отчётливо ощущала, что удушающее, всеохватывающее безумие подползает всё ближе. День за днём. Час за часом. За ночью ночь.

Редкие визиты палачей прекратились так давно, что иногда Риане начинало казаться, что это было сном.

Раз в неделю приходил безликий надзиратель. В молчании опускал на пол доску с едой – кусок мяса размером с ладонь, вполовину меньше жира, краюху хлеба и крынку с водой. Вся посуда была из дерева – видимо, чтобы пленница её не расколола. Рук ей не освобождали. Риана ела как собака, наклонившись. Они и называли её собакой. Она никогда не возражала. «Лучше быть собакой, чем гиеной», – так считала Риана.

Она пробовала считать время по этим пайкам, но голод мешал запоминать, а если пленница думала о еде – становился только сильнее. Она успела насчитать четыре по четыре и ещё раз по четыре пайка, когда поняла, что уже не знает, сколько раз умножала. Риана умела считать, но с каждым пайком соображать становилось всё трудней. Она чувствовала, что стремительно тупеет в этой темноте.

– Хотела бы я знать, что случится раньше – Крылатые Предки заберут к себе или Песнь заглушит все звуки царства людей?

Риана иногда говорила сама с собой. Это было нужно, чтобы убедиться – она не забыла ни один из языков, которые знала. Когда-то их было много, этих наречий, но Риана всё чаще ловила себя на том, что путает их между собой.

Когда-то давно – семь или восемь по семь пайков назад – она пыталась заводить разговор с тем, кто приходил с едой. Тогда он бил пленницу плетью по лопаткам, впечатывая в кожу холодную тугую цепь.

Риана не любила жаловаться. Ни на голод, ни на темноту и боль. Но не была настолько глупа, чтобы бесконечно делать то, что приносит эту боль.

Боль была тем, что даэвы умели делать лучше всего. Они, казалось, знали все оттенки этой многоцветной субстанции, так что порой Риана с завистью и восхищением думала об этом мастерстве. Наставникам, поровшим юных катар-талах шипами агавы, чтобы приучить тех к сдержанности, было далеко до даэвов.

Когда-то давно Риана пыталась задавать вопросы тому, кто заходил к ней:

– За что?

Тот, чьего лица она не видела, смеялся в ответ.

– Потому что смешно, – отвечал он.

Если бы в комнате не было так темно, Риана могла подумать, что тот наслаждается видом её рассечённой в клочья спины – такие долгие паузы её тюремщик делал после каждого удара кнута.

Риана знала, что на самом деле этот человек не решает ничего. Он был лишь фишкой в игре тех, кто стоял несравнимо выше. Такой же пешкой, какой оказалась Риана. И так же легко мог оказаться по уши в дерьме.

Иногда Риана его даже жалела. Она знала, что если настоящему хозяину этот плечистый человек с маленькой душой станет не нужен, то в такой же тюрьме он не протянет и десятка пайков.

Тюремщик делал то единственное, что умел. То единственное, что позволяло ему не умереть.

«Как и мы все», – думала Риана. И хотя когда-то давно мысли о собственном предназначении утешали её, с каждым новым десятком пайков горечь становилась всё сильнее.

«Интересно, – думала она. – Кто победил в войне?»

Риана старалась заставить себя сожалеть, мечтать о свободе и бояться за своих людей – но не чувствовала ничего.

«Будь всегда полезна зиккурату своему», – так говорил наставник много пайков назад, когда Риана ещё знала, как выглядит солнечный свет. Но никто не говорил ей, как остаться верной зиккурату, когда забудешь не только солнце, но даже как звучат голоса твоих братьев и сестёр.

«Помни о смерти, – говорил он, – прежде всего катар-талах должен помнить, что он должен умереть. Вот его главное дело. Помня о смерти, наполняешь жизнь смыслом».

Риана помнила. Помнила ночью и помнила днём. Помнила, когда ела свою еду, и когда кнут врезался в её спину. Но сколько бы ни помнила она о смерти, даэвы не позволяли ей выполнить долг. Смерть оставалась так же далека, как и два десятка пайков назад.

Стоя в своём лазурном одеянии из тончайшего шёлка спиной к бесконечности открытого неба и глядя в глаза семерым своим ученикам, наставник говорил вот ещё что: «Если катар-талах потеряет саркар, он должен броситься на врага с голыми руками и продолжать бой. Если катар-талах потеряет руки, он должен использовать ноги, чтобы уничтожить врага. Если катар-талах потеряет ноги, он должен ползти вперёд, чтобы зубами вцепиться в горло врагу».

«Хотела бы я знать, что он сказал бы сейчас?» – иногда спрашивала Риана пустоту и тут же отвешивала себе мысленный удар по лицу. Пленница знала, что любимая надсмотрщиком порка – слабое наказание за сомнения, которые терзали её, но поделаться с собой ничего не могла.

«Я становлюсь слабой», – равнодушно думала она. Но желание порвать цепь давно растаяло, и на смену ему пришло иное – встретить свою смерть.

Тьма казалась бесконечной и немой. Так что когда тишину беспросветной ночи огласил скрежет замка, Риана не сразу поверила, что слышит его наяву. Свет факелов взметнулся, озаряя каменные стены камеры, покрытые давно засохшими потеками крови – не её, чужими.

Порог переступил человек. Крупный, не похожий на тех даэвов, которых Риана видела раньше, прежде чем попала сюда. С обвислым брюшком, до краёв наполненным вином и едой, так что тога некрасиво обтягивала его.

За спиной пришельца маячил ещё один мужской силуэт.

– Вот и ты, Помпейская Псина, – усмехнувшись, произнёс он. – Довольна ли ты нашим гостеприимством?

Риана не сдержала хриплый смешок.

– Не жалуюсь, добрый господин.

– Ты стала вежливей. Неужели наши переговоры продвинулись? Скажи, Корнелий, продвинулись переговоры?

– Нет, патриций. Пленница упорствует.

– В чём же причина? Или вы разучились вести допросы?

– Мы применили обычный набор мер. Приглашали мастеров с востока. Однако мы всё ещё ждём разрешения убить её или покалечить.

– Я зачем-то нужна вам целой... бедный, бедный господин, – губы Рианы искривила улыбка. При мысли о том, что они боятся её смерти сильнее, чем она сама, становилось смешно.

– Она не безумна?

– Иногда находит, господин. Но по-прежнему опасна, так что мы не снимаем цепи.

Хозяин оглядел с головы до ног хрупкую фигуру, увитую толстой железной цепью, как плющом. Из-под звеньев виднелись обтянутые белой кожей рёбра и впалый живот.

– Спать в этом удобно, Псина?

– Затекает вон там... под лопаткой. Но слуги массируют плетью по утрам, – и снова безумный смех.

Хозяин прошел по камере от стены до стены и остановился в двух шагах от пленницы. Говорили, что дело в самый раз для этой дряни... но патрицию не нравились такие советы. Он не был уверен, что сможет этим не-человеком управлять. Но всё же заговорил, стоя спиной к невольнице, чтобы не смотреть в её ледяные голубые глаза.

– Ну, вот что... ты верно подумала. Говорят, ты нужна мне живой. Я в это не верю, но так говорят. А ты как думаешь, может от тебя быть польза, Псина?

Он смотрел, как поблёскивают в свете факелов льдисто-голубые глаза, и не мог сдержать пробегающий по венам холодок.

– Тебе надо кого-то убить? Что-то узнать? Что-то украсть? Конечно, я могу быть полезна, – Пленница усмехнулась. – А ты... Ты чем можешь быть полезен мне?

На удивление быстро для своей комплекции патриций развернулся, поднял мгновенно оказавшийся в его руках кнут и наотмашь хлестнул пленницу по груди. Риана слегка качнулась, но не издала ни звука. Несколько секунд патриций смотрел в полные безумия глаза.

– Если сейчас я оставлю тебя с Корнелием наедине – ты не доживёшь до утра, – прошипел он.

Риана пожала плечами.

Хозяин снова занёс плетью для удара, но пленница заговорила. Медленно, будто не видела нависшей над ней угрозы.

– Ты сейчас выглядишь совсем не так, как подобает аристократу Вечной Империи... патриций. Ты окривел от злости, ещё секунда – и с клыков закапает слюна. Но я готова тебя выслушать, потому что умереть я успею всегда. А если ты хочешь, чтобы я убила ещё одного даэва, то, быть может, это будет последний даэв, которого я успею убить.

Хозяин опустил кнут. Он тяжело дышал. Казалось, что на голову ему вылили ушат холодной воды.

– Выйдите! – приказал он конвоирам, чуть отдышавшись.

– Простите, патриций, не могу, – его спутник опустил голову, словно ожидая удара.

– Ты – останься. Проверь, хорошо ли закрыта дверь.

Корнелий отошёл к двери и, проверив замок, кивнул и поклонился.

– Маркус Цебитар, – сказал патриций негромко, точно опасаясь, что стены услышат его.

Глаза пленницы блеснули.

– Почему бы и нет.

Глава 1. Арена

– Могу ли я верить глазам? Прекрасная Церера тоже тут. Не потому ли, что на арену зачастил командир Цебитар?

Клементы прикрыла веером порозовевшие щёки. Встряхнула огненными кудрями и сверкнула глазами, демонстрируя чуть больше кокетства, чем требовали приличия.

– Я люблю красивых мужчин, владетель, разве это секрет? Вы знали, что многие гладиаторы красивы?

С этими словами Церера повернулась к загону, где расположились два десятка ожидающих боя рабов. Некоторые из них – крепкие и загорелые – точили мечи. Эти были рыжеволосыми, как и она сама. Другие – смуглые и чернявые, с раскосыми глазами – куда больше внимания уделяли подготовке своего тела, чем оружия. Были здесь и уроженцы севера, наверняка сходявшие с ума от жары под своими заплетёнными в косы бородами.

Клементы осмотрелась по сторонам и выхватила взглядом обитую бархатом скамью, стоявшую у самого края ложи – достаточно близко к арене, чтобы видеть всё, происходящее там, и при этом оставаться в тени. Проществовав к скамье, Клементы опустилась на неё и принялась устраиваться – вытянула ноги, подобрала складки длинной туники, закреплённой драгоценной фибулой на одном плече, поправила упавшие на белую грудь вьющиеся пряди волос.

С занятого ею места открывался достаточно хороший обзор, чтобы Клементы могла наблюдать и арену, пока ещё пустую в преддверии первых боёв, и разномастную толпу в многоцветных одеяниях, постепенно собирающуюся на трибунах для простолоудинов, и загоны для рабов, и даже некоторые из соседних лож. Та, в которую пригласили Клементу – обшитая деревом, покрытым золотой и алой краской – принадлежала третьему патрицию Вечной Империи, Маркусу Цебитару. Клементу пускали сюда всегда, а наряду с ней – ещё несколько человек, которых Маркус знал в лицо. Ложа располагалась почти напротив императорской и была едва ли не лучшей из всех имевшихся в амфитеатре лож.

Поддав знак рабыне, стоявшей в углу с подносом в руках, Клементы подозвала её к себе и прямо с блюда отщипнула несколько крупных виноградин, а затем одну за другой принялась отправлять их в рот. Рабыня осталась стоять в изголовье скамьи, готовая выполнить новые пожелания госпожи. Как и рабыня, Клементы не была одной из даэвов – покорителей материка, шесть сотен лет тому пришедших по морю сквозь южный туман. К расе высших принадлежала только её мать, а отец был галлом, но таких, как она, в Империи сейчас большинство. Впрочем, мало кто из этого большинства взлетал так высоко, как гетера.

Клементы не слишком переживала на этот счёт. Она и без того выделялась среди себе подобных всем, чем могла. Большинство женщин сегодня прядут в своих домах, ожидая, когда мужчины вернутся с игр, где не принято появляться их женам и невестам. У Клементы не было ни мужа, ни жениха. Её роскошный особняк находился в квартале Красных Огней, и ей некого было ждать. В свои двадцать семь человеческих лет она оставалась свободна, как ветер, независима и абсолютно одна.

– Не более, чем породистый конь, прелестная. Разве вне арены вам не хватает внимания?

Клементы поморщилась. Внимание некоторых людей – таких, как Луцио – ей казалось абсолютно излишним, и она с радостью предпочла бы его избежать.

Распорядитель арены не только не принадлежал к числу даэвов и не имел патрицианского титула, он к тому же был, мягко говоря, полноват. Живот его низко нависал над пахом, так что основные ценности было не разглядеть. Ножки же, видневшиеся из-под укороченной по последней моде тоги, оставались тонкими и немного дряблыми. Лицо украшал массивный второй подбородок. Руки, без сомнения, никогда не держали меча – зато не чурались отправлять в бой несчастных рабов. Если Клементы, в самом деле умевшей ценить мужскую красоту, какой-

то мужчина и был отвратителен до скрежета в зубах, то это, без сомнения, именно Луцио. Впрочем, к её великому сожалению, такими как раз и наполнилась Империя. Ради таких затевались войны. И игры тоже устраивались не столько для аристократов, имевших достаточно развлечений в своих дворцах, сколько для таких вот простых горожан.

– И там есть на что посмотреть, – уклончиво ответила Клементы, – однако порой так насмотришься на свободных мужчин, что появляется желание полюбоваться на рабов. Взгляните, к примеру, на того, – Клементы цапнула с подноса ещё одну виноградину и ткнула пальцем в черноволосого южанина, чьи широкие плечи сейчас украшал короткий плащ.

– Помилуйте, прелестная, он же раб! Как можно предпочесть свободному мужчине – жалкую вещь?

Клементы, не скрывая презрения, посмотрела на собеседника.

– Боюсь, мы с вами по-разному понимаем это слово – мужчина, – заметила она. – На мой взгляд, так называется тот, кто не боится отдать свою жизнь во имя... – Клементы запнулась, не решаясь сказать, во имя чего.

– Времена Катугла давно прошли, – ответил Луцио, пристраиваясь к рабыне, державшей поднос. Одной рукой он подхватил с подноса горсть виноградин, а другой хлопнул рабыню по задку – да так, что та подпрыгнула на месте, едва не выронив всё, что держала в руках. – Настоящего мужчину определяют деньги и власть. А для того, чтобы умирать, можно найти и более дешёвый материал.

Клементы не стала спорить, она снова посмотрела на рабов и произнесла:

– А игрища вы устраиваете хорошо. Ни в одном другом театре не найдёшь столько знатных и богатых господ... и столько красивых и мужественных рабов. Каждый получает своё.

– И столько прелестных гетер, моя дорогая, – с усмешкой заметил Луцио.

Клементы поджала губы.

– Гетеры – отличный способ привлечения господ, – заметила она, – но сколь прелестны они, когда мужчины у их ног, столь же опасны могут быть, если их оскорбить.

Луцио негромко рассмеялся, но в голосе его прозвучала нервозность.

– Я вовсе не намеревался вас обижать.

– Говорят, нынче на арене две сенсации. Об одной вы уже сказали, и её я наблюдаю достаточно часто. О другой же я, как и многие, только наслышана.

– О, – Луцио расхохотался, – значит, сегодня вы увидите её. Надеюсь, не будете разочарованы, красотой там и не пахнет. Не хотите ли сделать ставку? Сегодня будут драться две снежных пантеры. А вы, командир Цебитар?

Церера вздрогнула и замерла, стараясь не выдать себя. Досчитала до пяти и только затем медленно обернулась к дверям.

Цебитар блистал. Его парадный камзол из чёрного бархата сидел слегка небрежно. Манжеты из белоснежного кружева выглядывали из рукавов ровно настолько, чтобы оттенять тонкие длинные пальцы. Длинные чёрные волосы лежали на плечах так, будто он только что отошёл от зеркала.

«Мужчина не может быть так красив», – подумала Церера, но, к сожалению, она знала, что этот – может и должен.

Цебитара в Риме знали все, даже последний бродяжка. Сплетни о нём распускали с таким же удовольствием, как об императорской семье. Что и говорить – его появления здесь, в месте, куда приходили развлекаться, тратить деньги и переживать, ожидали как явления пророка древних богов.

Клементы знала его куда лучше других, но даже она не смогла бы предсказать, какую выходку ей предстоит наблюдать сегодня.

Цебитар бросил на гетеру быстрый взгляд и мягко улыбнулся. Кивнул. Он тоже знал Клементу давно и хорошо – хотя и совсем не так хорошо, как хотелось бы ей самой.

– Тоже желаете увидеть снежную пантеру, патриций? – она легко улыбнулась и повернула голову так, чтобы шея в вырезе декольте казалась длиннее.

Цебитар замешкался с ответом. Это было странно – сколько Клемента знала его, Маркус Цебитар всегда находил, что сказать.

– Императорская чета желает посмотреть на Пантеру. А я желаю того, чего желает император.

– И императрица...

Луцио получил в награду испепеляющий взгляд и резко заткнулся.

– По-моему, дражайший распорядитель, вы не цените своих гостей, – холодно заметил Цебитар, – вам давно пора бы покинуть нас и проверить, почему не несут вина.

– Абсолютно верно, мой дорогой господин, – Луцио отвесил неловкий, но старательный поклон и, не разгибаясь, засеменил к дверям, однако на полпути задом врезался в тело другого патриция, уже стоявшего в дверях.

– Вот вы где, – Тавио Кэнсорин безжалостно оттолкнул Луцио в сторону, едва не уронив на пол, как бочонок с вином, а потом, устроившись на ближайшей к входу скамье, закинул ноги на стол. Алый бархат его камзола разметался по белому шёлку подушек, высокие ботфорты сверкали на солнце безупречной чернотой. Слегка подкрученные пряди золотых волос разметались по спине и плечам. Выбеленные специальным раствором длинные пальцы заперхали над подносом склонившейся перед ним рабыни, выбирая персик посочней.

– У вас как всегда хорошая компания, любезный Цебитар.

Клемента поморщилась. Этот человек, безусловно, очень красивый и, чтобы ни произошло, ловко остававшийся в рамках приличий, порядком её раздражал. Общаться с Тавио было равноценно тому, чтобы играть с водой – текучей и зыбкой. Никто толком не знал, чего хотел и о чём мечтал этот человек. Но все доподлинно знали, что Тавио нравится причинять боль – развлечение, вполне достойное столь богатого аристократа, как он.

– Чего не сказать о вас, – Маркус кивнул на распорядителя, потиравшего ушибленный зад, – вы плохо умеете ладить с людьми.

– Очень спорный вопрос, – ответил Кэнсорин, отправляя персик в рот. – Просто не вижу смысла растрчивать силы на тех, кто станет подчиняться мне и так.

Клемента фыркнула и отвернулась от него. На Маркуса она тоже старалась не смотреть, хотя взгляд нет-нет, да и скользил к нему.

Оба они – Маркус Цебитар и Тавио Кэнсорин – не только принадлежали к первому эшелону римской аристократии, но и славились тем, что обладали одними из мощнейших в Империи рун. Гением Кэнсорина была Венера – богиня, пробуждающая любовь. И руна, которая от отца к сыну передавалась в его семье, позволяла ему вызывать это чувство в любом, кто на него смотрел.

Прародителем Цебитаров считался Плутон. Руна Маркуса вызывала страх и желание подчиняться. Но сколько Клемента знала его – а знала она патриция довольно давно – он ни разу не использовал свою тайную силу при ней.

«Я люблю, когда люди подчиняются мне, а не моему отцу», – так он говорил. И заставить подчиняться Цебитар умел. Он отлично пользовался пряником, где нужно, и ещё лучше орудовал кнутом.

– Я по крайней мере честен сам с собой, – заметил Кэнсорин. Увидев, что Луцио снова появился в ложе, он тут же поинтересовался: – А где вино?

– Сейчас принесут. Я вернулся проверить, всё ли хорошо у дорогих господ.

– Лучше не бывает, – ещё один патриций, такой же черноволосый, как Цебитар, появился на пороге и, отодвинув распорядителя в сторону, прошёл к парапету. – Я так и знал, что найду вас вместе.

– Ещё бы. У некоторых патрициев смысл жизни сводится к тому, чтобы доставить мне неудобства. Куда ни оглянешься – они всюду тут, – Маркус демонстративно отвернулся от него и сосредоточил взгляд на центральной ложе, куда неторопливо входила императорская чета. Поймав устремлённый на себя взгляд императрицы, отвесил неглубокий, но изящный поклон.

– Поверьте, я здесь не из-за вас, – Дариус Сант, как звали третьего из гостей, повернулся к Клементе и подмигнул.

Клементы поспешила отвернуться, не желая вступать в перестрелку взглядами, которая могла для неё плохо закончиться.

Дариус Сант не только был похож на Маркуса Цебитара чернотой своих волос и мужественным разворотом плеч, но и стоял на иерархической лестнице в двух ступенях от него. Отказать ему было так же трудно, как и двум другим стоявшим здесь господам, и Клементы отлично понимала, что только покровительство Цебитара оберегает её сейчас.

«Надолго ли?» – пронеслось в её голове, и Клементы ощутила у сердца болезненный укол. Маркус был ей хорошим другом уже не один год – но не более того. Цебитар легко чередовал в своей постели женщин всех мастей, но надолго не оставлял там никого. А саму гетеру и вовсе держал на расстоянии вытянутой руки. Иногда Клементы вообще сомневалась, что Цебитар способен полюбить.

– В Империи становится скучно, – заметил Кэнсорин, поудобнее устраиваясь на своей скамье. – Сант, вы, должно быть, соскучились по войне?

– Не очень, – хмыкнул тот. – У меня достаточно рабов. Если хотите организовать новый сумасбродный поход наподобие тех, которыми развлекались наши отцы – вам лучше обратиться к патрицию Цебитару, а не ко мне.

Маркус промолчал. Он отлично понимал, в какую сторону движется разговор. Именно его семья завоевала славу на войне с Короной Севера, окончившейся более семи лет назад. И именно его род в мирное время проиграл больше всего.

Цебитары привыкли воевать. Сама руна, покровительствовавшая им, требовала постоянных битв и покорения новых врагов. Рим же давно предпочитал военным походам кровавые игрища на арене, оргии в закрытых атриумах и бесконечное многообразие марок вина.

– На вашем месте, господа, я бы сосредоточился на зрелищах, ради которых мы собрались здесь. По крайней мере, до тех пор, пока ваши собственные схватки не станут зрелищнее, чем бои рабов.

Кэнсорин и Сант переглянулись.

– Он сравнил нас с рабами, – заметил Сант.

– А я не удивлён, – ответил Кэнсорин, – Цебитар никогда не понимал, что значит быть вежливым, как патриций. Слишком привык к своей солдатне.

– Зато ваша мать-галлка слишком хорошо знала, как общаться с истинными патрициями, – вклинилась Клементы.

– На вашем месте я бы не лез в разговор мужчин, – ответил Кэнсорин.

– На вашем месте я бы не забывал, в чьей ложе нахожусь, – произнёс Цебитар, не оборачиваясь к нему. – А раз уж вы заговорили о войне, то да. Я скучаю по ней. Я люблю видеть кровь на своём мече, а не на чужом. И мне жаль, что император не решается двинуться ещё дальше на восток – но воля Юпитера священна, и я не собираюсь спорить с ней.

– На восток... – протянул Сант. – Восточные провинции и без того вот-вот развалятся по частям. Говорят, они даже валькирий не способны удержать в узде – что уж думать о том, чтобы покорять новые народы.

– Господа, господа! – перебил их Луцио, до того молчаливо стоявший в дальнем углу. – Сегодня чудесный день! Игрища обещают множество сюрпризов! Оставьте политику в покое, поговорим лучше о них!

– Поговорим о них, – согласился Цебитар. – Слышал, вы принимаете ставки? Не бойтесь, что я подыграю своему фавориту?

– Ваша честность превыше любых подозрений. Но кто же ваш фаворит?

Маркус усмехнулся.

– Пантера. Но я ещё не решил, какая. Внимание – кажется, сейчас фаворитка определит себя сама.

Маркус замер, в одно мгновение забыв обо всём, что творилось в ложе. Он был азартен, но ни одна игра на удачу не зачаровывала его так, как зрелище, которое вот-вот начнётся на арене.

Обычно Маркус не любил смотреть, как дерутся другие. С куда большим удовольствием он находил повод устроить драку сам.

Но девушка, стоявшая в тени ворот, ведущих в помещения для рабов, приковывала его взгляд, вынуждая наблюдать за ней. Маркус мог бы вечно смотреть на валькирию, изучая каждый изгиб её тела, каждое, едва заметное движение изящных рук.

Валькирия, выставленная на бой, так мало походила на привычных ему патрициан и рабынь, что Маркус не знал, с кем мог бы её сравнить. Она была изящней и стройней Клементы. Взгляд её – острый, как наточенный клинок – казался скорее мужским. И тени сомнения не оставалось в том, что она не привыкла искать милости и просить – и тем больше щекотало Маркуса желание услышать мольбы из её уст. Мольбы, обращённые к нему, и больше никому.

Он чувствовал, как сильнее бьётся сердце, как кровь приливает к вискам, но если бы и хотел, не смог бы оторвать сейчас взгляд от этой девушки. Валькирия, одетая в одну лишь короткую тунику, какие на арене давали всем рабам, нехотя потянулась и чуть отставила ногу, опираясь на длинный шест. Взгляд её оставался таким же мрачным, и Маркусу невыносимо захотелось, чтобы она подняла глаза вверх, увидела его. Не было в Риме женщины, которая не оценила бы его обходительность и красоту.

Однако воительница замерла неподвижно, глядя в землю перед собой.

Глава 2. Сражение

Маркус бессовестно врал. Церера поняла это сразу. Когда оба бойца – человек и животное – появились по обе стороны арены, Цебитар вытянулся так, будто хотел оказаться в первом ряду среди простолюдинов, а не в ложе патрицианского семейства.

Животное было прекрасно. Мускулы под белой шерстью переливались, как бицепсы под чёрным камзолом Маркуса. Пантера двигалась медленно и уверенно, обходя арену по кругу. Это был не первый её бой. Пантера знала вкус человеческой крови и знала её цену – она едва заметно прихрамывала на правую лапу. Битвы научили её осторожности, и Церера могла бы поклясться, что зверь умнее и хитрее многих из людей, которые выходят на арену первый раз.

Пантера была прекрасна, но Маркус смотрел на неё как на врага, оценивая опасность и рассчитывая успех. Если бы Церера не присутствовала при всём разговоре, то подумала бы, что Маркус поставил на другого бойца всё своё состояние – так силен оказался его интерес к тому, что происходило на арене, и вслед за патрицием Церера перевела взгляд на человека.

Худая фигура стояла там, куда её поставили стражи – у самого выхода с арены. Плечи девушки были опущены, и от взгляда Цереры не укрылись алые полосы, которые покрывали всё её тело – должно быть, это шрамы от плети. Седые волосы укрывали большую часть спины и падали на лицо, так что Церере не удавалось разглядеть черты.

– Валькирия-воительница?.. – в недоумении произнесла она. Все знали, что народ Короны Севера не умеет воевать.

Покорённые даэвами семь лет назад северные горы таили в себе немало загадок, и одна из них состояла в том, как мир, лишённый армии, мог выживать. Управляемый жрецами народ хрупких крылатых существ лишь в конце войны научился давать отпор. Из них получались хорошие рабы – валькирии прелестно рисовали, играли на музыкальных инструментах, могли танцевать для забавы господ. Тела их были прекрасны и экзотичны – вид белоснежных крыльев, которые они обычно скрывали, пленял самые жестокие сердца, вызывая неумолимое желание сломать, причинить боль. Но о валькирия-бойцах Клемента не слышала никогда.

Валькирия устало опиралась на длинный деревянный посох. Пантера её не волновала. Даже отсюда Церера чувствовала безразличие, окутавшее коконом рабыню. Она могла умереть прямо сейчас. Она ждала, когда когти животного вспорют её плоть и вырвут кишки, а значит – была обречена. Церера увидела, как сквозь решетку ворот просунулось копьё стражника и ткнулось в спину гладиаторше. Та качнулась, споткнулась и проковыляла несколько шагов к центру арены. Церера оглянулась на Луцио. Тот смотрел на неё, ухмыляясь, будто ожидал вопроса.

«Это и есть ваша Снежная Пантера?» – повисло в воздухе. Но именно потому, что он ждал, Церера и промолчала. Для женщины она очень неплохо разбиралась в бойцах, хоть и не стремилась этого показывать. Поэтому решила дать Пантере ещё один шанс.

– Я поставлю на неё сотню, – бросила она через плечо и, не глядя, протянула распорядителю кошель золота.

– Принято, – кошель тут же исчез в складках его одежды.

Прозвучал гонг. Пантера, давно изучившая правила арены, зарычала и бросилась вперёд. Валькирия всё ещё стояла, не двигаясь. Только когда пантера уже была в воздухе в полуметре от неё, присела, слегка перекатилась вперёд и, выставив посох, провернула его под телом пантеры. Животное отлетело в сторону. В наступившей тишине было слышно, как кошка жалобно скулит.

Маркус нахмурился.

– Слишком быстро, – бросил он, не отрывая взгляда от арены.

– Вы правы, и валькирия медлит, – заметил Сант.

Пантера медленно поднялась на четыре лапы. Она пошатывалась, кажется, удар пришёлся ей в живот и задел рёбра или органы. Зверь рыкнул и сделал шаг в сторону гладиаторши. Он разинул пасть, демонстрируя белоснежные зубы. Воительница продолжала смотреть мимо – то ли на песок под ногами, то ли на барельеф по краю ограждения. На секунду Церере показалось, что она скучает.

Пантера оттолкнулась от песка задними лапами и снова прыгнула, но дальше и левее. Она приземлилась за спиной валькирии и попыталась схватить ту зубами за бедро.

Валькирия переместилась в сторону быстро и плавно, будто скользила по льду, а не переступала босыми ногами по песку. Посох оказался у неё за спиной, а сама она – лицом к врагу. Легко и точно, без замаха, она ударила пантеру посохом по морде, и, не дожидаясь ответной атаки, тут же отпрыгнула, но не назад, как показалось Церере сначала, а в сторону и вперёд. Раньше, чем пантера успела обернуться, валькирия оказалась у неё на загривке. Девушка перекинула посох в другую руку и прижала им горло пантеры. Тщетно животное крутилось, пытаясь сбросить с себя противницу, та держалась верхом как влитая.

Церера представляла, какой силой нужно обладать, чтобы сдавить горло пантеры – даже при помощи палки – и никогда бы не поверила, что такая сила есть в хрупких руках крылатой воительницы. Наконец, пантера захрипела и припала на передние лапы. Она издыхала. Церера бросила взгляд на императорскую ложу, ожидая, что последует приказ пощадить благородную воительницу – пусть она и не принадлежала к человеческому роду, но все без исключения следили за движениями девушки, затаив дыхание и будто забыв о правилах боя.

Пантера упала. Несколько секунд царила тишина, затем раздался аплодисменты.

Воительница поднялась на ноги и снова встала в стороне, устало опершись о посох.

– Ну что, патриций, всё ещё не хотите сделать ставку? – спросил Луцио.

Обернувшись, Клементина увидела, как блестят его глаза. Маркус покачал головой.

– А вы, Церера, забираете выигрыш или же... удвоите?

– Хотите сказать, она будет драться ещё? Но это несправедливо, для противника бой будет первым, а для вашей Пантеры – вторым.

– Мы проводим с ней по три боя за день. Она не проигрывает.

– И кто же будет против неё теперь? – Церера подняла взгляд и увидела перед собой Дариуса Санта.

– Сейчас будет бой с десятком гладиаторов. Зиг, Ван, Тейк...

– Достаточно, – прервал распорядителя Сант, – этот бой будет за Пантерой, вы и сами знаете. Что ждёт нас потом?

– О... – Луцио улыбнулся. – Оставайтесь с нами, Сант. Потом ещё интереснее. Смотрите, бой начинается.

Прозвучал гонг. От Цереры не укрылось, что, в отличие от Санта, Маркус всё ещё безотрывно следит за ареной. Гетера тоже придвинулась к ограждению.

Действительно, среди противников Пантеры были и знакомые ей лица. Каждый воин был вооружён по-своему – у кого-то трезубец, у кого-то сеть. Двое с мечами и один с арбалетом. Церера вздрогнула – дальнобойное оружие в таких противостояниях не использовали, но, видимо, Луцио решил добавить сражению пикантности.

Гладиаторы не спешили. Церера увидела, что теперь Пантера подняла голову и прищурилась. И гетера смогла хорошо рассмотреть её широкие скулы и маленький подбородок.

Пантера тем временем выставила посох перед собой, медленно вращая его в руках, и двинулась в сторону противников. Кажется, она передумала умирать.

Гладиаторы тоже выступили вперёд. Они шли клином, по-варварски, но Церера видела, что дикарей среди них нет – только наёмники-даэвы из младших ветвей.

«Значит, построение выбрано неверно, – подумала она удивлённо. – В своём стиле драться всегда удобней».

Шаги пантеры ускорились.

Церера зачарованно смотрела, как едва касаются песка босые ступни и, не успевая увязнуть в нём, взлетают вверх – всего на полпальца. Минимум лишних движений. Минимум энтропии. Минимум сил.

Валькирия прошла сквозь строй противника, как нож сквозь масло. Церера заметила лишь, как перестал вращаться и исчез за спиной посох. Когда же валькирия оказалась за спинами врагов, то четверо противников лежали на песке и двое – а может, и больше, Клементы не могла разглядеть – были мертвы.

Пантера снова выставила посох перед собой. Даэвы расступились. Они пахли страхом.

– Дураки, – прошипела Церера. Она не видела, что Маркус кивает. Клементе было стыдно смотреть, как её соотечественники, наследники высшей крови, в ужасе замерли, глядя на жалкую валькирию, как кролики на удава.

Пантера же застыла, ожидая атаки. Видя, что противники мешкают, она снова убрала посох за спину, открыв для удара грудь и живот, и когда один из гладиаторов, осмелев, ринулся к ней, ударила его так же, как недавно пантеру – без замаха, снизу вверх. Оттолкнувшись посохом от плеча противника, она развернулась и, прочертив оружием круг, ударила снова, на сей раз целясь в голову. Противник осел на песок.

– Время против неё, – процедил Сант сквозь зубы, – знаете, что... пожалуй, сотню на даэвов.

Церера поняла, что и его задела трусость наёмников.

Как только кошель упал в руки Луцио, бой пошёл бодрее. Церера увидела, что двое из упавших поднялись. Бойцы изменили строй и теперь наступали полудугой, стараясь зайти за спину противнице, причём полукружие сужалось с каждой секундой. Когда до Пантеры осталось не более двух шагов, один из них звонко крикнул:

– Вперёд!

И сразу восемь клинков рванулись в бой.

Церера сжала поручень, силясь уследить за происходящим, но что-то ускользало от неё. Даэвы атаковали яростно, и хотя валькирия оказалась быстрее, их было слишком много. Она успела бы отбить все атаки, уйдя в глухой блок, но это привело бы к проигрышу, ведь как верно сказал Сант – время работало против Пантеры. Противники падали один за другим, но вставали снова. У пантеры не было времени, чтобы добивать упавших – и Клементы стремительно понимала, что валькирия обречена.

– Почему они встают? – пробормотала гетера, заметив, что один из бойцов получил удар посохом в висок. Удар смертельный, если только он не был нанесён в полсилы.

Церера бросила короткий взгляд на Маркуса, будто ожидая ответа. Лицо того застыло в напряжении. Услышав её голос, он слегка вздрогнул, но не оторвал взгляда от арены. Только схватил гетеру за локоть и с силой притянул к себе.

– Смотри за Сантом, – прошипел он ей в ухо. – Тихо! Не сейчас.

Церера поняла. Прикрыв веки, она сквозь опущенные ресницы обратила внутренний взор на Санта. Нет, доказать гетера ничего не смогла бы. Но Сант улыбался. Пальцы его шевелились, будто играя на рояле... или дёргая за верёвочки невидимых марионеток.

– Помоги ей, – прошептала Церера, и на секунду Маркус всё же взглянул на гетеру.

– Нет, – отрезал он и снова отвернулся к арене, но теперь Церера видела, какая борьба отражается на лице Цебитара.

Клементы заставила себя расслабиться.

«Всего лишь гладиаторша. К тому же, валькирия», – напомнила она себе, но верилось с трудом. Бой по-настоящему захватил её страстную натуру.

Клементы не заметила, как сжала запястье Маркуса, с силой впиваясь ногтями в кожу.

Гетера снова смотрела на арену. Бойцов осталось шестеро, но теперь она не была уверена, что упавшие не поднимутся. Валькирия оттолкнулась посохом от песка и перемахнула через головы нападавших, выходя из окружения. Ненадолго Клемента увидела её целиком. Лицо валькирии больше не было безучастно. Она тяжело дышала, и полный злобы взгляд её устремился в их сторону – Церера могла поклясться, что знает, в чьи глаза смотрит воительница.

Клемента сжала зубы.

– Тебе так ценна твоя ставка, – прошипела она, но ей никто не ответил. Тогда Клемента отстранилась от Маркуса. Жаль, что воительница смотрела не на неё, но ничего. Гетера мысленно потянулась к ней, вливая силы в мускулы. Магия, доставшаяся ей от матери, была невелика, но и Клемента кое-что могла. На секунду их взгляды встретились, и валькирия покачала головой. Церера тут же остановилась.

Валькирия рванулась вперёд. Посох работал, как крылья мельницы, то и дело меняя направление. Церера знала, что это бесполезно, пока Сант перекачивает силу в павших гладиаторов, но мужчины дали понять, что всё идёт, как должно.

Этот бой был много дольше первого. Бойцы падали, поднимались и вновь падали. Церера заметила, какой приём использует воительница теперь – в тот момент, когда Сант поднимал павшего бойца, она била другого – насмерть. Их становилось всё меньше, пока последний не упал в песок. А следом за ними на колени упала и Пантера.

Церера перевела дыхание. В этот миг ей казалось, что сама она только что покинула бой. Щёки гетеры покраснелись, по вискам стекали капли пота.

Луцио первым начал бить в ладоши, и вся арена последовала его примеру – кроме Маркуса. Патриций стоял неподвижно. Он смотрел на арену. Брови его были нахмурены.

– Каков же будет третий бой? – спросил Сант, и распорядитель вскинулся.

– Ну... я хотел выпустить на арену виверну. Но полагаю, этого боя Пантера не выдержит.

– Что с того? Шоу должно продолжаться, а вы дали слово. И я сделал ставку.

– Вы ведь ставили только на этот бой.

– Вы неверно меня поняли. Так или иначе, я добавлю ещё девятьсот монет на виверну.

Луцио рассмеялся.

– Сейчас любой поставит на виверну.

– Сомневаюсь. Вы дали слово, Луцио.

Распорядитель поморщился.

– Хорошо.

– Вы с ума сошли, – Церера обернулась к нему, – она на ногах не стоит.

– Забираете выигрыш, прелестная?

Церера встретила взглядом с Сантом и скрипнула зубами.

– Если вы так ставите вопрос, я удвою ставку. Но этот бой не должен состояться, это несправедливо.

– Вам ведь не было жалко Пантеру. Что же случилось теперь?

Церера закусила губу.

– Давайте гонг, – потребовал Сант, и гонг ударил.

Валькирия медленно встала, скорее опираясь на посох, чем на свои ноги. На лице её не было ни удивления, ни страха. Снова ей овладело безразличие. Она более не поднимала глаз на зрителей, взгляд её оставался прикован к ящери, появившемуся из-за поднятой решетки.

Виверна была чуть больше человеческого роста в длину – молодая и оттого яростная особь. Она двигалась медленно, переваливаясь с лапы на лапу, но метавшийся в приоткрытой пасти раздвоенный язык говорил о том, что виверну перед боем не кормили.

Выигрыш человека в таком бою – в скорости. Если успеть нанести удар первым, неважно, куда – по тонким перепонкам крыльев, в незащищённую ямочку между ключиц – есть шанс,

что зверь уже не атакует, а значит, появится время, чтобы его добить. Но валькирия стояла неподвижно.

На секунду Цереру озарила догадка – валькирия не хотела драться с животными. Только с дазвами. Но такое безразличие к собственной жизни казалось гетере странным.

Виверна пошла в атаку первой. Она изогнула шею идохнула пламенем. Валькирия с поворотом ушла в сторону, но пламя прошло по её левой руке – Церера заметила, что кисть висит неподвижно. Значит, валькирия будет воевать одной рукой.

Новый плевок пламени – воительница снова отступила в сторону, но не перекатом, что сэкономило бы время, а в полный рост.

– Это же бойня, – услышала гетера женский голос из соседней ложи.

– Это и интересно, – ответили из-за занавесок.

Виверна изогнула шею и попыталась цапнуть противницу зубами. Зубы вскользь прошли по плечу, но и виверна отвлеклась, так что валькирия успела ударить ту посохом по длинной шее. Виверна закричала по-птичьи, но плеча валькирии не выпустила. Рванула её на себя, вырывая из руки противницы кусок мяса. Птичий крик повторился.

Виверна попробовала крови, и теперь её было не остановить. Валькирия попыталась перейти в наступление, но, нанеся всего два удара, была вынуждена отступить. Теперь она оказалась стеснена в движениях ещё сильнее. Виверна переступила с ноги на ногу и, ударив лапой, покатила валькирию по песку. Прижав противницу к земле, взгромоздилась сверху, и Церера попрощалась со своей неожиданной фавориткой, а заодно и с парой тысяч монет – но вдруг что-то изменилось.

Слева от гетеры в воздухе промелькнула чёрная тень. Маркус приземлился на ноги, как кошка, и раньше, чем виверна успела обернуться, полоснул животное мечом по крылу – он-то знал, как драться с подобными тварями. Виверна завизжала и отскочила в сторону. Зрители ахнули и затаили дыхание. Иногда кто-то из аристократов нарушал правила, чтобы защитить свою ставку, как Сант совсем недавно, но только так, чтобы нарушения никто не заметил.

Маркус дождался, пока виверна повернётся к нему мордой. Когда это произошло, молнией бросился вперёд и всадил меч в жёлтый, широко открытый глаз. Виверна оглушительно завизжала. Маркус выдернул клинок и с размаху отрубил огромной ящерице голову, хотя в этом не было необходимости – та уже была мёртва.

Подняв за перепончатое ухо здоровенную голову, Маркус двинулся к императорской ложе. Бросил свой трофей на землю перед балконом и низко поклонился, не отводя взгляда от императрицы. Церера видела, что лицо императора побагровело от ярости.

– Вы нарушили правила, – сказал он то, что и без того было очевидно, но императрица тут же дёрнула супруга за рукав, принуждая замолчать.

– Лишь потому, что сам хотел преподнести этот дар вашим императорским величествам. Ведь я достоин этого не меньше, чем безродная рабыня.

Церера закатила глаза.

– Спасибо, – сказала она негромко, когда Маркус вернулся на своё место.

– Не хотел, чтобы твоя ставка пропала, – сказал Маркус и прильнул губами к её руке.

От Маркуса соблазнительно пахло кровью, потом и дамасской сталью. Он улыбался одной половиной рта, как кот после обеда. И всё же его обаяние не могло обмануть гетеру – Клементу понимала, что оказалась в этом бою так же случайно, как и императрица.

Глава 3. Встреча

Сант хрустнул яблоком, а когда обнаружил, что Маркус поворачивает к нему голову, сделал вид, что внимательно рассматривает надкушенный фрукт.

– Пошло, – заявил Кэнсорин и, взяв в руки кубок с вином, покачал его, а затем посмотрел на просвет.

– Просто ты привык нюхать кровь связанных рабов, – ответил Маркус. Он всё ещё тяжело дышал, но не желал показывать, что реакция товарищей задела его. «Друзьями» Маркус этих людей никогда не называл, хотя и знал их очень, очень давно.

Он скинул с плеч перепачканный кровью камзол и вытер вспотевшее лицо батистовым рукавом. Теперь, когда бой подошёл к концу, ему больше не хотелось находиться здесь, среди этих людей.

Маркус взял с подноса рабыни кувшин с вином и сделал несколько крупных глотков прямо из него. Отставил в сторону и снова подошёл к парапету, под которым недавно свершился бой.

Валькирию уносили на носилках. Глаза её были закрыты, а пепельные волосы разметались по соломенному тюфяку – абсолютно неуместному, если бы кто-то спросил патриция.

Маркус не знал, чем так привлекло его это существо. Он ходил на арену, потому что сюда ходили все, не чувствуя вкуса чужих побед. Вместе со всеми пил вино и проигрывал деньги на закрытых патрицианских вечерах. Маркусу было душно здесь – сколько он помнил себя. И эта странная валькирия стала первым в его жизни существом, чьи когти прорвались сквозь марево нескончаемого римского дня, в котором он тлел на солнце и бесконечно умирал. Она стала наваждением, и, увидев её в первый раз, Маркус понял, что придёт сюда снова и будет смотреть ещё. Теперь он ходил на арену только ради неё. Вот уже четырнадцать дней.

«Я хочу её себе», – подумал Маркус. Мысль родилась внезапно, как и все мысли, которые он обычно воплощал в жизнь. В это мгновение Маркусу было абсолютно всё равно, что воительница ни жива, ни мертва. Что денег у патриция давно уже едва хватает на то, чтобы раздавать долги, а галантейщик третью неделю работает на него в кредит. Маркусу было всё равно, что скажут люди, когда увидят рядом с ним северянку-рабыню, валькирию – уже не девочку, каких предпочитали заводить аристократы, а взрослую воительницу со шрамами на плечах.

У Маркуса при мысли о том, как он мог бы коснуться их, внизу живота завибрировала дрожь. Захотелось провести кончиками пальцев по коже, исследуя один за другим эти шрамы.

Обычно если Маркус чего-то хотел, он мгновенно приводил это желание в жизнь, и потому, резко развернувшись на каблуках, он подхватил камзол и сообщил остальным гостям:

– Я хочу прогуляться. Ложа в вашем распоряжении, а меня можете не ждать.

Двое патрициев переглянулись между собой.

– Я, пожалуй, пройду с тобой, – сказал Сант.

– И я, – поддержал Кэнсорин.

– А я уж точно не останусь здесь одна, – Клементы в мгновение ока соскочила со своей скамьи.

Маркус закатил глаза, но промолчал. Он всё равно не знал, куда собирается идти, и что теперь будет делать.

Все вчетвером они вышли в коридор, серпантинном оплетающий трибуны по окружности, и медленно стали спускаться.

– На днях будем играть у меня, – сказал Сант задумчиво, оглядываясь по сторонам. – Кто придёт?

– Я уезжаю, – равнодушно ответил Кэнсорин.

– А я, может, приду, – ответил Маркус, не глядя на него.

Горожане, разодетые в зелёные и алые тоги, раскланивались перед ними, но Маркус не замечал никого. Он думал о том, как мало изменился этот город за прошедшие шестьсот лет – и в то же время насколько стал другим.

Даэвы, приплывшие в Империю из неведомых на материке южных земель, могли бы превратить его в рай на земле. Но вместо этого лишь научили местных жителей курить табак, а сами переняли их привычки к кровавым играм и любовь к бесконечной войне.

Он попытался представить, каким был этот коллизей шесть сотен лет тому, и обнаружил, что видит его точно таким же, как сейчас.

«Но мой отец не был таким, как они, – подумал Маркус в недоумении. – Он верил в ту войну, которую вёл».

И тут же он мысленно посмеялся над собой. Теперь, когда Империя простиралась от тёплых Средиземных берегов и Апеннинского полуострова до ледяных морей севера, когда покорила и хвойные леса, и заснеженные вершины, и огромные ледники – ей не с кем больше было воевать. Дальше на юг – только бескрайние песчаные пустыни и коралловые рифы. Да ещё таинственная земля за туманами, куда им, даэвам, не вернуться уже никогда.

На нижнем этаже амфитеатра расположились торговцы выпечкой и вином. По большей части их услугами пользовались простолюдины, и Маркус миновал прилавки, не обращая ни на кого внимания. Зато Сант не преминул схватить пробежавшую мимо прислужницу за зад. Взвизгнув, та накренила кувшин с вином, так что Тавио мгновенно отшатнулся от неё и столкнулся плечом с горожанином, спешившим по своим делам. Сант принялся демонстративно отряхивать «испачканный» о простолюдина камзол.

– Простите, благородные господа! – до смерти перепуганная прислужница рухнула на колени на грязный пол.

Маркус поморщился, потому что смотрела она именно на него – видимо, решила, что он единственный из трёх господ, кто ещё не обижен на неё.

– Тавио, перестань, – обогнув девушку, Маркус продолжал идти вперёд. Ни на кого из спутников он не обернулся и не стал проверять, продолжают ли они следовать за ним.

Клементы, поколебавшись, замедлила ход и, присев рядом с девушкой, принялась успокаивать её. Маркус не смотрел и на гетеру.

Сейчас он с удовольствием избавился бы от всех своих спутников, только не знал, как это сделать.

– Я видел, у входа выставляют превосходных жеребцов, – заметил он будто невзначай, – присмотрел себе одного. Арабской породы. Как, по-твоему, Сант, стоит покупать?

Темноволосый патриций отвлёкся от помоста, на котором выставляли рабов, и посмотрел на Маркуса.

– Арабской породы? – уточнил он. – У тебя разве мало арабских жеребцов?

Маркус пожал плечами. Он, наконец, выхватил взглядом проход в помещения для бойцов и теперь внимательно смотрел туда, где за массивной дверью скрывалась его цель.

– Думаю, никогда не помешает завести ещё одного, – сказал он. – Пожалуй, куплю его после боёв.

Лицо Санта отобразило напряжение. Даже не оглядываясь, Маркус чувствовал, как корёжит того от мысли, что у Цебитара будет что-то, чего нет у него.

– Мне особенно понравилась его статья, – продолжил Маркус. – Уверен, в твоих конюшнях такого не было никогда. Впрочем, – он сунул торговке монетку и отобрал у неё кувшин с вином. Сделал глоток и только потом добавил: – Когда этот жеребец мне надоест, я могу его тебе проиграть.

Напряжение на лице Санта стало ещё сильнее.

– Прошу прощения, – сказал он, через силу наклеив улыбку на лицо, – у меня дела. Я догоню вас потом.

Кэнсорин насмешливым взглядом проследил за тем, как растворяется в толпе его синий камзол.

– По крайней мере этот жеребец существовал? – поинтересовался он.

– Кажется, да, – сказал Цебитар. – Хочешь – сходи, проверь.

Кэнсорин фыркнул, а затем, прищурившись, посмотрел на него. Маркусу показалось, что тот о чём-то размышляет.

– Пожалуй, – наконец сказал он, – это будет забавно. Надеюсь, ты не будешь без меня скучать.

– Постараюсь не сойти с ума от тоски, – Маркус отвернулся от него. Теперь он смотрел куда угодно, только не на дверь, прекрасно понимая, как опасно выдавать перед этим даэвом свой истинный интерес.

Маркус знал обоих патрициев достаточно хорошо, чтобы ни один из них не мог его удивить.

Сант, семье которого покровительствовал Марс, был не то чтобы глуп, но слишком прост, чтобы принести настоящий вред. Он был по натуре таким же гвардейцем, как и сам Маркус, с той только разницей, что ему никогда не приходилось бороться за власть. Сант любил азартные игры, лошадей и женщин, с которыми можно побыть собой.

Санта, как и самого Маркуса, с детства готовили к тому, что всю свою жизнь он будет воевать. Однако время завоеваний закончилось вместе с последними походами их отцов. Сами же они едва успели поучаствовать в заключительных победоносных боях. И теперь все сражения проходили в кулуарах императорского дворца – а в этих играх Сант был не слишком силён.

Маркус хотел бы сказать то же самое о себе, но не мог. Ему приходилось разбираться в придворных делах с тех самых пор, как ушёл в сонм предков его отец, а сам он, тогда ещё семнадцатилетним юнцом, переехал из провинциальных владений в Рим. Кто-то должен был представлять семью при дворе – и поскольку дядя Маркуса оказался убит на последней войне, этим кем-то оказался именно он.

В далёкой Александрии, на востоке, о котором с таким сомнением говорил теперь Сант, остались сестра Маркуса и усадьба, в которой он рос. Любить Рим – столицу Вечной Империи – патриций не хотел и не мог. Его с детства учили почитать Рим, но абсолютно другой. Рим торжественных стягов, блестящих армий и легионов, марширующих в ряд. Здесь же последний нищий, казалось, пропах розовым маслом так, будто каждое утро купался в нём.

– Ничего удивительного, – сказал как-то Кэнсорин, когда Маркус поделился этим наблюдением с ним, – в Риме самые богатые нищие на материке. Я слышал, один собрал на свадьбу две сотни человек – говорят, на Форуме особенно хороший доход.

Кэнсорин слышал и видел всё, и потому Маркус никогда его не любил.

Если они с Сантом принадлежали к старой аристократии, оказавшейся не у дел в новые времена, то семейство Кэнсоринов возвысилось не так давно. Отец Тавио был потомком древнего рода, но последние годы он провёл бы на голодном пайке, лишившись доходов с войны – если бы не его жена-северянка. Эта женщина хоть и не принадлежала к почитаемой расе, да и римлянкой никогда не была, имела хватку куда более жёсткую, чем многие из тех, кому титул достался по наследству. Благодаря своей красоте она имела немалый успех при дворе, так что многие поговаривали о том, имеет ли вообще Тавио Кэнсорин отношение к патрицию Кэнсорино. Кроме того, ей довольно быстро удалось наладить поставки редких пушистых мехов – пусть и бесполезных на южном побережье материка, но весьма любимых знатными римлянами, так что финансовое положение супруга довольно быстро пошло вверх.

Так или иначе, при этой женщине семейство Кэнсорин заняло почётное четвёртое место среди знатных семей, хотя руна, доставшаяся им от их покровительницы Венеры, была не слишком почитаема и не слишком сильна.

Тавио Кэнсорин, воспитанный матерью в смешении традиций северных земель и нового Рима, полного роскоши и разврата, представлял собой олицетворение всего того, чем Маркус боялся когда-нибудь стать. Всего того, что патриций не одобрял и не понимал. Помимо прочего, ещё и того, что несло для него опасность. Потому что, как бы Маркус ни старался привыкнуть к дворцовым интригам, эта жизнь всё же оставалась для него чужой. Всегда. Как бы ни пытался он понять своё окружение, призванием Маркуса оставалась война.

А вот Тавио Кэнсорин мастерски умел манипулировать любым, кто вставал у него на пути, и это было для него так же естественно, как дышать.

Только убедившись, что Тавио покинул вестибюль, Маркус вздохнул свободно и направился туда, куда стремился всей душой. Но стоило патрицию сделать несколько шагов, как Клементы выросла перед ним и, кокетливо прикусив бархатистый фрукт, спросила:

– Не хочешь посмотреть рабов? Мне кажется, ты давно никого не покупал.

Маркус подавил тяжёлый вздох.

Он хотел было ответить грубостью, но не смог. Клементы оставалась единственной, кому он доверял и кого мог подолгу терпеть рядом с собой, а потому не имел ни малейшего желания её терять.

– Я думала, тебе захотелось светловолосой экзотики, – сказала она растерянно, заметив выражение его лица.

– Пойдём, – Маркус взял её под руку и направился к помосту для рабов.

Клементы, обрадованная его вниманием, заметно расцвела и, миновав шеренгу крепких южан, а затем и ряды пышнотелых восточных гурий, стала пробираться туда, где можно было найти более редкие экземпляры. Маркуса она тянула за собой.

Девушек человеческой крови Клементы сразу отмела – подобная конкуренция была ей не нужна. Оставалось ещё двое валькирий, мужчина и женщина, и они могли по-своему Маркуса заинтересовать.

– Как тебе эта? – спросила Клементы. Она взяла за руку высокую, по меркам крылатого народа, светловолосую рабыню и заставила ту повернуться вокруг оси.

Маркус критически смотрел на предложенный ему вариант. Рабыня была красива холёной городской красотой, от которой у него сводило зубы. Бледная кожа обтягивала нежный овал лица с едва чётко очерченными уголками скул – характерной чертой её народа. Узкие, как и у всех крылатых, плечи были округлыми и почти нежными. Высокую грудь приподнимала шёлковая лента. Эта валькирия походила на ту, которую Маркус по-настоящему хотел приобрести, не больше, чем Дариусу Санту удавалось походить на него самого.

– Она знает четыре языка, – сообщил подскочивший к ним мангон, – играет на флейте, а как поёт в постели!.. – полноватый торговец закатил глаза.

Маркус даже не обернулся на него. Он разглядывал рабыню и пытался понять для себя, что же с ней не так.

– Хотите, покажет прямо сейчас? – спросил торговец, и рабыня по щелчку опустилась на колени и поползла к патрицию.

– Если она попытается расстегнуть мне штаны, я ей руки оторву, – сказал Маркус равнодушно, наблюдая, как рабыня приближается к нему.

Рабыня побелела, но продолжила ползти.

– Я не шучу, – сказал Маркус, и стоило рабыне коснуться полы его камзола, схватил за запястье и вывернул так, что девушка не сдержала вскрик.

– Маркус, прекрати! – Клементы попыталась отцепить его пальцы от запястья рабыни. – Она же просто хочет тебя ублажить! У неё приказ!

– А я не хочу, – сказал Маркус, но всё-таки оттолкнул от себя рабыню.

– Её же теперь избыбют! – прошептала Клементы ему на ухо.

Маркус перевёл на неё рассеянный взгляд.

– И это значит, что я должен терпеть капризы борова, который её продаёт?

Клементы закатила глаза. Она начинала подозревать, что идея с рабами была не так уж хороша.

– Я её куплю, – торопливо сказала она, заметив, что мангон в самом деле достаёт кнут. – Какова цена?

Начался торг, но Маркус не стал вслушиваться в разговор. Он отвернулся и приблизился к второму крылатому. Как и девушка, он был почти целиком обнажён, но тело его было куда более жилистым, плечи казались острее.

Рука взлетела сама собой, и Маркус прочертил кончиками пальцев линию вдоль его плеча.

– Как твоё имя? – спросил он, собственный голос услышав будто издали.

– Дайнэ Инаро, – ответил тот. Голос раба был глубоким и чарующе холодным.

– Что ты умеешь? – спросил Маркус, продолжая разглядывать его. Он обошёл раба со всех сторон.

– Убивать таких, как ты, – сказал тот.

Маркус снова остановился перед ним. Валькир смотрел прямо ему в глаза.

– И что ты сделаешь, если я тебя куплю?

Валькир молчал, но Маркус и без того понял ответ.

– Я буду рад, если тебя отдадут львам, – сказал он и отвернулся к Клементе, примерявшей ошейник на свою рабыню.

– Как и я, если отдадут тебя, – услышал Маркус из-за спины, но лишь усмехнулся – придавать значение словам раба было смешно.

– Маркус? – Клементы, явно довольная приобретением, стояла с поводком в руках и поглядывала то на свою рабыню, то на патриция. – Я тебе ещё нужна?

– Иди, – Маркус махнул рукой. Улыбка его стала чуточку теплей. – У меня есть ещё пара дел.

– Я загляну к тебе вечером, – сказала Клементы, но Маркус уже не слушал её. Он направлялся к двери, которая ему до сих пор не давала покоя.

Больно. Но что ещё хуже – страшно. К боли она давно привыкла.

Риана поднесла ладонь к плечу, перемотанному грязной тряпкой. Было бы проще, если бы всё закончилось на арене. Она хотела этого. Она знала, что здесь некому помочь ей. Некому – нигде. Рука будет кровоточить и гнить, и всё, что она сможет получить, это грязную тряпку вместо бинта. Для арены она в таком виде бесполезна. Но хозяина арены, похоже, не сильно волнует сохранность имущества. Впрочем, даже без руки Риана смогла бы неплохо драться. Иногда ей казалось, что убивать она сумела бы и вовсе без рук. Это было единственным, что получалось у неё хорошо. Но чтобы жить без руки, её следует ампутировать, а если оставить так, как есть... Впереди гангрена, заражение... И долгая мучительная смерть вместо быстрой – в когтях ящера.

Риана перевернулась на спину и стиснула зубы. Подстилка пропиталась кровью и потом. Лежать было противно, сил встать не было. Валькирия повернула голову и увидела ледяные глаза, смотревшие на неё сквозь решётку.

Бледное лицо в обрамлении чёрных волос. Этот даэв совсем не походил на того, который отправил её сюда. Но был похож на другого... того, златовласого, которого она почти успела позабыть.

Риана зажмурилась, силясь преодолеть накатившую боль. Риана была убийцей – но всё-таки оставалась валькирией и умела ценить красоту. Она ненавидела красивых даэвов ещё сильнее, чем таких, как её последний господин – потому что не могла их презирать.

– Ты? – она заставила себя открыть глаза. Риана хотела заговорить в полный голос, но сумела выдать лишь бесшумный вздох. – Почему ты меня спас?

Даэв долго не отвечал.

– Меня зовут Маркус Цебитар, – сказал пришелец. Он явно не знал, какой эффект произведёт на воительницу его имя, но увидел что-то своё в её глазах. – Скоро ты будешь мне принадлежать.

«Он, – пронеслось в голове. – Цель».

Риана с огромным усилием кое-как поднялась на четвереньки. Большого сделать не удалось.

– Ты хорошо дралась.

Слова даэва током пробежали по спине. Риана ненавидела себя за то, что они доставляют такую радость. Она хотела было ответить, что искусство катар-талах не обрадовало бы даэва так сильно, если бы Риана ещё была свежа и здорова, когда тот оказался возле неё. Но только молчала, глядя в зелёные глаза с золотыми искорками, которые отчётливее проступали в темноте.

«Опять», – отчаянно пронеслось в голове. Валькириям никогда не рассказывали, что у даэвов есть таинственная сила – одним взглядом, голосом подчинять себе. Риана узнала это сама за годы, проведённые в плену. Большинству из даэвов ей удавалось противостоять. До сих пор – кроме одного.

И вот ещё один даэв пробовал свою силу против неё.

Не получив ответа, зеленоглазый шагнул вперёд, открывая взгляду Рианы светлокжее, будто выточенное из мрамора лицо.

– Не знал, что валькирии умеют проливать кровь. Кто научил тебя?

«Мастер Инаро», – пронеслось в голове, но Риана заставила себя промолчать и плотнее сжать зубы. Даэвам нельзя доверять. С ними вообще нельзя вступать в диалог. Сказав лишь слово – ты уже проиграла.

– Покажи мне свои крылья. Они черны, как ночь, ведь так?

Пришелец наклонил голову вбок. Риана смотрела, как рассыпаются по чёрному бархату камзола угольные пряди шелковистых волос.

«Ты должна его убить, – напонила она себе. – Таков твой долг. И, может быть, Тот сдержит своё слово... и освободит. Позволит умереть».

Как не вовремя эта слабость. Впрочем... может, как раз – вовремя?

– Ты станешь мне служить?

Она не сразу поняла, что Цебитар задаёт ей вопрос.

– Я не служила и никогда не буду служить никому, кроме зиккурата Сизых Облаков, – голос хрипел, когда Риана произносила это вслух.

Маркус постоял за решёткой ещё какое-то время, потом развернулся и пошёл прочь.

Риана осталась одна. Закрывает глаза и, преодолев боль, попыталась провалиться в сон. Она лгала. Не смела сказать вслух о том, за что до самой смерти будет себя презирать.

«Ты служила даэву, жалкая тварь, – неумолимо настаивал голос внутри неё. – Ты предала всё, чему присягала».

Золотые волосы, рассыпавшиеся по белым плечам, промелькнули у неё перед глазами.

«Будь проклята их красота. Будь прокляты они все».

Если бы валькирии верили в богов, Риана молилась бы своим, упрашивая простить за всё, что успела совершить. Но у валькирий были только храмы, в которых они поклонялись сами себе.

«Ты не заслуживаешь, чтобы кто-то тебя искал, – подумала она. – Ты не заслуживаешь ни свободы, ни смерти. Мастер Инаро никогда не позволил бы тебе войти в храм, если бы знал, кем ты стала».

Маркус уже почти покинул Колизей, когда дорогу ему преградило тучное тело распорядителя арены.

– Многие были недовольны, патриций. Вы сорвали хорошее пари.

Маркус поморщился. Говорить с Луцио было ниже его достоинства, но иногда приходилось делать и это.

– Что вы хотите? Чтобы я вернул вам разницу?

– Нет-нет, патриций. Кто-то был недоволен, кто-то напротив... Когда люди увидели вас на арене, ставки на местах подпрыгнули.

Распорядитель понял, что ляпнул, и попятился назад. Маркус молча смотрел на толстяка.

– Луцио, – сказал он неожиданно, – что вы будете делать с этой гладиаторшей? Завтра снова выставите её на пари?

– Думаю, да. Что ещё я могу с ней делать?

– Вы видели её? Она едва может встать. Такой боец только подпортит вам репутацию.

– Она принесла мне немало денег, принесёт и ещё. Ну, отлежится немного.

– Я бы дал вам денег прямо сейчас.

– Сколько? – Луцио прищурился, будто принохивался, пытаясь угадать, в каком кармане Маркус держит золото.

– Скажем... сотню. Она при смерти, – напомнил Маркус, заметив, что распорядитель теряет интерес. – Ну, хорошо... пятьсот.

– Патриций, знаете, сколько я на этой рабыне сделал за неделю?

Маркус качнул головой.

– Тридцать тысяч монет. Чистого золота, – сообщил Луцио. – И это до того, как люди поняли, на кого следует ставить. А теперь давайте подумаем. Рану можно прикрыть плащом. Стоит валькирия всегда кое-как. За это её и любят. Такое, знаете ли, воплощение Вечной Империи. Усталость и вселенское безразличие. Так, о чём это я...

– Можете не продолжать. Какую сумму вы хотите?

Распорядитель пожевал губами.

– Никакую, патриций. Я не работороговец. Я рабов покупаю и делаю на них деньги. Если нужен крепкий боец, сходите на невольничий рынок.

– Я понял. Удачи вам в коммерции, Луцио.

Ложа, располагавшаяся двумя этажами ниже, чем ложа Цебитара, была несколько меньше. В ней на позолоченных диванах устроились с фруктами и вином всего двое мужчин. Однако стены здесь покрывали такие плотные складки бархата и шёлка, какие Маркус никогда бы позволить себе не смог.

Два сидевших за столом брата пили исключительно из золотых кубков – довольно грубых, по меркам некоторых патрициев, зато массивных и удобных, вмещавших большое количество приторно-сладкого южного вина.

– Луцио – проклятый идиот, – произнёс один из мужчин. – Почему он никогда не может сделать, как ему говорят?

Другой хохотнул в ответ и поднёс кубок к губам.

– Луцио хочет больше денег, – пожал плечами, ответил он. – Успокойся, он не решится напрямую нарушить приказ.

– Вся эта афёра с самого начала была слишком сложной.

– Не будь дураком. В Риме ничего не делается в лоб.

Оба замолкли, каждый остался при своём. Наконец первый снова заговорил:

– Думаешь, эти шкатулки стоят того, чтобы так рисковать?

Другой уверенно кивнул и серьёзно посмотрел на собеседника.

– Это очень хороший куш. Я считаю, надо было сделать это уже давно.

Первый тихонько зарычал и поудобнее устроился на обитой бархатом скамье. Тоже пригубил вина.

– Уже решил, что делать с остальными?

Второй мужчина долго молчал. Его брат даже успел забыть о том, что задавал вопрос. На арене начинался новый бой, и патриций полностью погрузился мыслями в него.

Братья любили смотреть, как льётся кровь. И они предпочитали кровь рабов. Первый мужчина внезапно усмехнулся и произнёс:

– Всё-таки этот Цебитар абсолютный дикарь. Выставить бы на арену его.

Его брат лишь хмыкнул в ответ.

Глава 4. Гетера

Клементы Церера...

Рыжеволосая и необычно круглолицая для даэва, Клементы славила красотою, умом и нежностью не только при дворе, но и во всём Вечном Риме.

Вряд ли нашёлся бы хоть один мужчина, посмевающийся отказаться от общества этой женщины. Кроме, разве что, Маркуса Цебитара.

Клементы знала Маркуса больше десяти лет – они познакомились, когда тот ещё был мальчишкой и едва ступил на опасную почву римских атриумов в первый раз.

Клементы была частью этой жизни с тех самых пор, как родилась. Ещё маленькой мать демонстрировала её друзьям, оставляя иногда в компании с незнакомыми господами, чтобы затем расспросить, о чём те говорили наедине – даже в Риме ребёнка, как правило, никто не опасался.

Затем была школа Сафо, каждый месяц и день пребывания в которой стал частью одного большого турнира за право называться красивейшей и самой образованной из гетер. Мужчины могли смеяться над таким обучением сколько угодно – Клементы знала, что не одна ученица получила там сломанную жизнь и изуродованное лицо вместо светского воспитания.

Сколько Клементы знала Маркуса, тот не любил свет, но по понятным причинам свет обожал его. Вначале александрийский дикарь вызывал у всех интерес уже тем, что оказался в столице. По мере того, как становилось ясно, что Маркус никогда не впишется в их иерархию светской жизни, гости его дома всё отчётливее делились на тех, кто – зачастую тайно – восхищался им, кто боялся его и тех, кто ненавидел его и презирал.

Клементы определила свою позицию давным-давно, когда увидела его спокойное красивое лицо в первый раз. С тех пор Маркус стал более закрытым и более искусным в политической борьбе, но гетера всё ещё видела за завесой равнодушия те зелёные глаза, которые покорили её одиннадцать лет назад.

Маркус молча прошёл к своему креслу и, упав в него, протянул руку к кувшину с вином.

Не нужно было быть Клементой Церерой, чтобы понять, что Маркус Цебитар не расположен к беседе. Гетера вспорхнула со своего места на командорском ложе и, опустившись на пол за спинкой кресла Маркуса, принялась массировать виски мужчины.

– Вот тут, – Маркус подвинул её пальцы чуть в сторону, и, когда Клементы послушно надавила на указанное место, ненадолго стал похож на откормленного чёрного кота, напившегося валерьянки.

Выждав, пока Маркус перестанет мурлыкать, Клементы убрала руки от его висков и, опустив их командору на грудь, принялась расстёгивать камзол.

– Тяжёлый вечер? – спросила она мягко. И переместилась так, чтобы удобнее было смотреть ему в лицо.

Маркус промолчал. Были вещи, о которых он предпочитал не говорить. Никому – даже ей. Однако Клементы поняла всё без слов.

Он был у императрицы. В груди кольнула ревность и сразу же потухла. Пальцы гетеры продолжили расстёгивать камзол.

Устал. Движения её замедлились. Жаль.

«Я ведь ждала», – она с трудом удержала на губах невысказанный укор. Что толку корить ветер, который дует не в твои паруса.

Покончив с застёжками, Клементы опустила голову на белый шёлк рубашки Маркуса и замерла.

Императрица... Маркус поморщился, отгоняя воспоминания. Эти вечера не доставляли радости. Самое смешное, что император боялся оставлять его наедине с супругой. Старая развалина сидела в своём кресле у камина и смотрела, что они делают. Он сам приглашал Маркуса. Сам наливал ему вино. Разве что не помогал расстегивать корсет Клавдии.

Юстиниан был бессилен и знал это. Но бессилие не мешало ему наблюдать. Маркус поморщился.

Сама Клавдия не блистала красотой, но и уродиной не была. Как любая богатая женщина, она тратила на своё лицо достаточно денег, чтобы оно не вызывало отвращения. Маркус же мог лишь думать о том, как ему повезло, почти теряя сознание от отвращения на шёлковых простынях.

Да. Эти вечера утомляли. Это была вторая, ночная часть его службы, с которой нетрудно смириться, имея в душе достаточно цинизма, а цинизма Маркусу хватало. По крайней мере, он старательно себя в этом убеждал.

Маркус коснулся пальцами запястья в том месте, где под кожей скрывалась руна одного из трёх могущественнейших богов. При мысли о том, что он, наследник Плутона, вынужден служить постельной игрушкой у богатой госпожи, ему становилось тошно от себя самого. Но Рим, в котором он жил, отличался от того, в который шесть веков назад спустился с корабля Гений их семьи. Этот новый Рим имел собственные правила игры, и двуличный поцелуй зачастую значил здесь больше удара меча.

У Маркуса был собственный интерес к женщине, которая почивала на расшитых золотом императорских простынях. Он надеялся, императрица подарит ему вчерашнюю рабыню – однако та лишь рассмеялась, услышав, о какой он просит ерунде. Ей было всё равно, выживет валькирия или умрёт. И если бы это была другая рабыня, Маркусу, пожалуй, тоже было бы всё равно. А при мысли об этой у него начинался сумбур в голове. И Маркусу оставалось лишь успокаивать себя тем, что не в первый раз его посещает подобный спонтанный каприз.

Просто после этих визитов ему требовалось немного времени, чтобы побыть в одиночестве. Не видеть напудренных лиц. Не нюхать дорогих духов.

Клементы жала зубы – эти мысли отчётливо читались на его лице, и патриций даже не пытался спрятать их от неё. Здесь она была нежеланна. И всё же гетера никуда не ушла, лишь коснулась виска командора ещё нежнее. Нет, не императрица вывела его из себя.

– Меня собираются убить, – сказал Маркус и, подняв веки, в упор посмотрел на неё.

– Я тоже слышала об этом, – призналась Клементы негромко.

– Слышала и молчала, – голос Маркуса был спокоен, но лицо стало равнодушным и холодным в один миг.

Клементы представила, как патриций высчитывает, сколько выгоды она может извлечь из их с императрицей постельных историй, и ей захотелось уйти.

– В Риме много чего говорят, – сказала гетера уклончиво, – но если об этом говорит Артемис, значит, слухи не пустые.

Маркус поставил так и нетронутый кувшин обратно на стол, взял лицо гетеры в ладони и заставил посмотреть на себя.

– Ты слышала или, может быть, заметила кого-то, кто видел убийцу своими глазами?

Клементы покачала головой.

– Мне жаль. Но если увижу, я сразу скажу.

– Хотел бы я, чтобы весь этот чёртов город сожрали драконы из древних легенд. Чтобы проклятые валькирии собрали силы и начали новую войну. Пусть он пылает огнём, вместе со всей ложью, которая поселилась в нём.

Клементы пристально посмотрела на него.

– Думай, прежде чем желать, Маркус. Каким бы ни был наш мир, мы умеем находить друг с другом общий язык.

«Все, кроме тебя», – повисли в воздухе невысказанные слова.

Маркус отпустил её лицо и поднёс пальцы, униженные перстнями, к глазам.

– Когда даэвы причалили к берегам материка на девяти кораблях, – сказал он глухо, и взгляд его был устремлён не на гетеру, а за окно – туда, где плескался океан, где серая дымка заволакивала горизонт. – Они думали, что сумеют начать здесь новую жизнь. Лишённые крова, они верили только в себя и ни на кого не могли положиться. Но они были честны с собой. Они знали, что жестокость – единственный способ выжить среди людей, которые никогда не примут их. Они убивали, но они не пытались лгать.

– Я думаю, – после долгой паузы произнесла Клементы, – что тот, кто желает тебе смерти, не обязательно скрывается среди близких друзей. Я сегодня снова была в Колизее... если хочешь, расскажу о последних новостях...

Маркус слушал гетеру вполуха, но мысли его неустанно устремлялись туда – на арену, где он покинул беловолостую воительницу. Если это и правда был каприз, то он определённо оказался сильнее здравого смысла, потому что Маркус с каждым мгновением всё отчётливее понимал, что не может оставить там валькирию. Не может позволить чьим-то ещё рукам прикасаться к ней. Не может жить и знать, что та существует отдельно от него.

– Зачем ты пришла? – спросил Маркус, поняв, что Клементы продолжает говорить, а он давно уже не разбирает слов.

– Хотела... не важно. Мне уйти?

– Нет. Остайся.

Клементы грустно улыбнулась. Она подумала, что никто уже не способен вывести её из себя, кроме этого самодовольного черного кота.

– У меня есть для тебя кое-что. То, в чём тебе отказала императрица.

Маркус поднял брови.

К утру стало совсем плохо. Риана видела камеру будто бы через алую пелену, и эта пелена то и дело полностью застилала картинку. В минуты прояснения валькирия ощупывала плечо – оно распухло и ничего не чувствовало.

Презирая саму себя за слабость, она вспоминала легенду, которую повторяли девушки-ученицы друг другу перед сном. Говорили, старший катар-галах не просто так бросает войска на Помпеи в шестой раз. Говорили, там, по другую сторону границы, отделившей растущую Империю от послушных Короне Севера земель, осталась единственная крылатая, которая была для него важнее, чем весь народ.

Намэ Вена – последняя настоящая намэ, попавшая в плен в первый же день войны.

Риане эта легенда казалась романтической и злой. Она не верила в любовь, потому что к тринадцати годам – когда её отправили в бой в первый раз – ни разу её не встречала. Но понимала, что значит отдать ради одного единственного человека всё.

Когда она только оказалась в плену, Риана думала с тоской, что не найдётся по другую сторону никого, кто стал бы так же искать её. Она не видела в своей жизни ничего, кроме войны. Не знала никого, кроме братьев и сестёр по саркару, идущих с ней в бой плечом к плечу.

Теперь, когда время потеряло счёт, она думала, что если легенда о двух намэ и правдива, то Вена давно уже сошла с ума.

К тому времени, когда Риана попала в плен, война длилась уже двадцать лет.

«Никто не выдержит двадцать лет в этом Аду», – так думала она, пытаясь уснуть.

С того момента, как Риана согласилась выполнить приказ своего нового господина, она по крайней мере получила возможность смотреть, как сменяются день и ночь. В бараках для

гладиаторов под потолком тянулось одно единственное на все блоки продолговатое окно. В него – перед тем, как должен был начаться бой – заглядывало солнце.

Сейчас в окошко глядела луна, и возможность смотреть на неё самую малость смягчала боль.

Риане почти нравилась арена, куда даэвы приходили смотреть, как она убивает других даэвов. Где, пусть на забаву, но она могла убивать своих врагов.

На рассвете пришли подручные Луцио. Пару раз пнули её сапогами и отошли, тихонько переговариваясь о чём-то. Риана не заметила, как снова осталась одна.

Прежде чем занять своё место в ложе, Клементы обошла вестибюль и поздоровалась с каждым, кого видела хоть раз в жизни. Для каждого у неё нашлась улыбка, а некоторым она даже оказывала честь, протягивая руку для поцелуя.

Санта не было, и она позволила себе задержаться чуть дольше. Юный даэв с рубином на лбу постоянно подмигивал ей, и Клементы выкроила минутку, чтобы подойти ближе. Она опустила в его ладонь надушенный платок и скользнула прочь, к выходам из амфитеатра.

Едва она успела отвернуться и сделать несколько шагов прочь, как наткнулась взглядом на расположившихся на скамьях вокруг подноса с закусками братьев Флавиев. Сколько Клементы знала их, столько и не могла понять, как двое чистокровных даэвов могли так запустить себя, что настолько напоминали боровов. Большинство представителей высшей расы обладали яркой внешностью, грациозными повадками и фигурой, которая в самом худшем случае выглядела просто худощавой. Можно было упрекать их в жестокости и бессердечии, но в уродстве и вульгарности – никогда.

Эти же двое, хотя и хранили не самую драгоценную руну – им покровительствовал Гермес – даже для восьмой патрицианской семьи были слишком страшны на лицо. Клементы поспешила отвернуться от них и удалиться прочь до того, как они проявят к ней излишний интерес.

У самой двери её остановили уверенные горячие руки. Мужчина оказался абсолютно невоспитан. Клементы развернулась было, чтобы вlepить ему пощёчину, но тут же расплылась в улыбке.

– Артемис, это вы?

Артемис был сыном виноградаря Албацо. Они происходили из старой, исконно римской семьи. Одной из тех, что имела влияние ещё до прихода даэвов. И, пожалуй, эта фамилия оставалась последней исконно римской семьёй, сумевшей до сих пор сохранить своё влияние.

– Прелестная Клементы, рад видеть вас здесь и в одиночестве.

– А я рада доставить вам удовольствие, мой господин.

– Вас по-прежнему некому охранять? Где же ваш кавалер?

– Кого бы вы могли иметь в виду?

Артемис рассмеялся.

– Цебитара. Кого же ещё.

Клементы почувствовала укол горечи, но улыбка на её лице ничем не омрачилась.

– Вы же знаете, Артемис, у меня нет кавалера, и я в нём не нуждаюсь.

– Очень жаль, что не нуждаетесь. Тогда, полагаю, судьба Маркуса вам безразлична?

– Конечно... – она замолчала. – А вы, собственно, о чём?

– Ну, вы же знаете, слухи...

– Да уж конечно, я знаю, что такое слухи. А Маркус тут причём?

– Поговаривают, – он притянул гетеру к себе за локоть и наклонился к самому её уху так, что острый кончик его носа коснулся её виска. Сделав паузу, Артемис втянул в себя воздух, вдыхая аромат розы и корицы. – Поговаривают, Цебитара хотят убить.

Клементы рассмеялась и чуть отстранилась.

– Да уж, вы сообщили мне новость. А я хочу стать наместницей Британи, что ж с того?

– Я так и думал, что вы уже слышали эту нелепую сплетню. Маркус ведь поэтому не показывается на форуме, так?

Клементы нахмурилась.

– Вообще-то сомневаюсь, что причина именно в этом. Скорее я поверю, что ему опостылел пустой трép. Простите, – она неискренне улыбнулась, – это его мнение. Не моё.

– Я так и подумал, – Артемис наклонился и приник губами к её руке, – прелестная Клементы. Вы никогда бы не осмелились оскорбить наше общество, в отличие от вашего... друга.

– Ещё бы, – раздался за спиной Артемиса хриловатый голос, – одно дело воротить нос, когда ты третий патриций Рима, другое... в общем, у вас другой случай, так, госпожа Церера?

– Не совсем поняла, что вы имеете в виду, патриций Сант, – Клементы вздёрнула носик и отвернулась, – простите, я не хочу опоздать к началу боя.

Луцио пританцовывал на месте. Его воодушевление бросалось в глаза издали.

– Ну-с, господин мастер боёв, чем вы порадуете нас сегодня?

– А, прелестная... желаете снова взглянуть на Снежную Пантеру? Или пришли посмотреть на другого зверя?

Клементы закусила губу и отвернулась в сторону арены.

– Нет, Луцио, он сегодня не придёт. Да и что вам за дело до Маркуса, он никогда не делает ставок.

Распорядитель расхохотался.

– Он сам – ходячая ставка. Его присутствие вносит в моё расписание элемент непредсказуемости. Непредсказуемости, Клементы – даже для меня самого. Какую бурю он вызвал в прошлый раз... ставки скакали на ходу, когда всем казалось, что бой уже сделан. Мне пришлось снова открыть тотализатор, чтобы пари не прошли мимо меня. И этот рыцарский жест. Вам понравилось, Клементы?

– Нет, – отрезала гетера и сверкнула глазами из-под густых ресниц.

– Ну что вы, все поняли, кому предназначался его подарок, – поправился он, но тут же поспешил сменить тему. – А вчера вечером, представьте, он пришёл ко мне снова. Знаете, зачем?

– Представления не имею, – и это было правдой. Клементы была убеждена, что вечер Маркус провёл с императрицей.

– Не поверите. Этот чудак... этот сумасшедший патриций пытался купить моего лучшего бойца.

– Зачем она ему? – брови Клементы взлетели вверх, хотя на сей раз она сразу догадалась, о ком речь. Догадалась и о том, что за каприз сподвиг Маркуса на эту попытку.

– Ума не приложу. Думал, вы прольёте свет на эту прихоть.

Клементы вспомнила, как заворуженно следил Маркус за боем. И эта выходка в самом конце...

– Не знаю и знать не хочу, – она помолчала, – и что же, вы согласились?

– Что? Клементы, милейшая. Цебитар знатен и знаменит, но деньги... богатство не его сильная сторона. Он не смог бы предложить мне достаточно, даже если бы продал свой столичный особняк.

– Должно быть, он был сильно огорчён, – сказала она с некоторым ехидством.

Луцио расхохотался.

– Он был зол, как семь химер. Я уже думал, как бы по-тихому позвать стражу да спроводить его из амфитеатра, пока до кровопролития не дошло. Но представьте... быстро угас и, кажется, успокоился.

Клементы усмехнулась.

– На вашем месте, Луцио, я бы не верила обманчивому спокойствию этой грозовой тучи. Если что-то его зацепило, то гром грянет. Не знаю только, где и как. Эта валькирия ещё доставит вам проблем.

Распорядитель усмехнулся в ответ.

– Эта валькирия пока приносит мне только дожди золота. Так что грома я не боюсь.

– Смотрите сами, – Клементы отвернулась, помолчала, а потом спросила: – А как по-вашему, Луцио, у меня хватило бы денег её купить?

– Милейшая... денег – нет.

Она окинула взглядом грузную фигуру распорядителя.

– Вы не в моём вкусе, мастер боёв. Это вас не беспокоит?

– Ни капли.

– Жаль. Всё же подумайте о деньгах.

Она отвернулась, разглядывая зрителей в других ложах. Гости арены пестрели яркостью и разнообразием нарядов. Здесь были и лёгкие газовые одеяния на манер варварских, и бархатные камзолы истинных римлян, и кожаные плащи в подражание доспехам первых даэвов. Солнце палило неимоверно, и Клементы удивилась упорству этих франтов. Сама она в такую погоду не могла носить ничего тяжелее шёлковой туники, подпоясанной под грудью расшитым золотом кушаком.

Дверь за её спиной хлопнула, она услышала шаги и негромкое перешёптывание. Клементы напрягла слух, но в гомоне толпы расслышала лишь:

– ... чтоб она сдохла. Выставляйте Сарацина.

Дверь снова хлопнула, и Луцио опять оказался рядом с гетерой.

– Какие-то проблемы, мастер?

Тот лишь дёрнул плечом.

– Скучная кухня нашего амфитеатра, – он помолчал.

Клементы видела, как сжимаются и разжимаются пальцы, впиваясь в каменный парапет.

– А сколько бы вы дали, Клементы?

– Дала бы? – она уже забыла давешний разговор.

– Сколько бы вы дали за эту рабыню?

– Ну... – Клементы задумалась. Инстинктивно положила ладонь на атласный кошель, привязанный к поясу. – Полагаю, тысячу монет.

Она не стала упоминать, что именно эту сумму и так собиралась проиграть сегодня.

– Вы режете меня без ножа, прелестная.

– Да, – рассеянно сообщила она, – красота жестока.

– Я согласен. Забирайте её сегодня же. Сейчас же.

Клементы изогнула бровь и посмотрела на него.

– Что за перемена?

– Не могу смотреть, как печально ваше лицо.

Клементы закусила губу. Обман был очевиден, только вот где он – понять гетера не могла.

– Сейчас же... тогда мне придётся послать за слугами. Я ведь пришла одна.

– Я пошлю гонца к вам домой.

Бровь изогнулась ещё сильнее. Впрочем, что бы ни задумал Луцио, сделка выглядела выгодной. И Клементы ничего не теряла.

– По рукам, – гетера отцепила кошелёчек и бросила его распорядителю, – я взгляну на товар?

– Не оставляйте меня одного. Я погибну без вашей красоты.

Клементы нахмурилась, но деньги уже находились в руках Луцио. Путь назад оказался отрезан.

– Ведь только ради служения прекрасному я согласился лишиться себя источника дохода. Клементы холодно рассмеялась. Впрочем, уходить не стала. Лишь повернулась к мастеру боёв боком и снова принялась рассматривать гостей.

Клементы дважды хлопнула в ладоши и замерла.

– Постой-ка. Если тебе понравится подарок... будешь мне что-то должен.

Клементы игриво улыбнулась. Маркус усмехнулся. Будь на её месте кто-то другой, он бы ответил резкое «нет», но в Клементе было что-то такое, что заставляло её доверять. Конечно, обманщиками всегда становятся те, кто вызывает доверие, но тут нечто другое. Клементу он знал много лет и действительно хотел ей верить, потому что иногда нужно верить хотя бы кому-то.

– Давай свой подарок, – проворчал он.

Клементы снова хлопнула в ладоши – теперь три раза. Маркус встал, осматривая то, что появилось на пороге.

Двое крепких рабов вкатили передвижную дыбу – она стояла на доске, закреплённой на колёсиках. Пленница была накрепко привязана к постаменту. Щёки её, зажатые в тисках, уже начали синеть.

Маркус сделал два шага вперёд и остановился. От Клементы не укрылось, как засверкали его глаза.

– Вот я и знаю, что дарить тебе на день рождения, – пропела гетера из-за плеча.

– Пусть рабы выйдут.

Клементы кивнула слугам – исполнять.

Маркус подошёл к дыбе и сверху вниз посмотрел на пленницу.

– Она опасна?

– Говорят, что да.

– Отвяжи её и осмотри руку, – приказал Маркус хрипло.

Клементы вздёрнула гордую бровь.

– Ну, Маркус, я тебя люблю, но всему есть предел.

Маркус не смотрел на неё. Он зачарованно разглядывал новую игрушку.

– Тогда позови лекаря. Вариуса.

Клементы пожала плечами.

– Ладно, чего ещё от тебя ждать, – буркнула она обиженно и собралась уходить.

И уже у самой двери услышала за спиной очень тихое:

– Спасибо.

Глава 5. Рабыня

Оставшись наедине с рабыней, Маркус осторожно коснулся пальцами лба воительницы. Проведя ладонью по впалому животу валькирии, по её предплечьям и локтям, он добрался до веревок и стал неторопливо развязывать их. Потом замер на секунду. Взгляд его упал на окровавленную тряпку, перетягивавшую грудь и плечо пленницы.

Валькирия не шевелилась.

– Можешь встать, – приказал Цебитар.

Риана напрягла мышцы, но ни руки, ни ноги не слушались. У неё получилось лишь слегка повернуть голову в сторону патриция. На губах её играла безумная улыбка.

– Даэв... если б я могла встать... ты бы там не стоял.

– Плохое начало для знакомства. Мне кажется, ты не очень общительна.

Улыбка стала шире. Маркус увидел в трещинках на губах валькирии капли крови.

Он снова подошёл к пленнице и принялся развязывать верёвки на ногах.

– За что тебя так спеленали?

– Придумай сам.

– Видимо, пыталась бежать?

Риана не отвечала. Она сконцентрировалась на том, чтобы сесть.

– Ты – валькирия, я прав? – задал Маркус следующий вопрос.

Риана молча кивнула.

– Обычно валькирии не умеют драться. Валькирию-воина я вижу впервые.

– Рада, что удивила тебя, – сухо сообщила Риана и, не вставая, изобразила полупоклон.

– Покажи мне крылья. Хочу рассмотреть своё имущество, – сказал Маркус, слегка отодвигаясь, чтобы дать рабыне немного пространства. Он слегка кривил душой: за то недолгое время, что провёл на войне, Маркус видел валькирий-бойцов. В основном, плохих. Но были и другие. Те, чьи крылья черны. Кто становился продолжением своих клинков.

Взгляд валькирии стал злым.

– Я не открываю их при чужих.

Это заявление слегка вывело Маркуса из себя.

Несколько секунд он смотрел на своё приобретение, удивлённо приподняв брови. Рука сама легла на рукоять кнута, пристёгнутого к поясу.

Неизвестно, чем закончился бы разговор, если бы в этот миг не отворилась дверь – и на пороге не появился лекарь, полноватый лысеющий старичок в льняной тунике, подпоясанной простой бечевкой.

– Лечитель Вариус, – Маркус слегка поклонился, не более, чем того требовала учтивость.

– Третий час утра. Если б не ваш авторитет, патриций... – голос у лекаря был скрипучий.

Симпатии в нём тоже было ни на гран больше, чем требовал хороший тон. – Кто болен?

Маркус кивнул на пленницу. Руки и ноги той уже были свободны, но она всё ещё оставалась неподвижна. Лицо Вариуса скривилось, но это выражение тут же исчезло, когда он встретился взглядом с патрицием. Лекарь подошёл к пленнице и пожевал губами.

– При всём уважении, патриций, я не лечу валькирий. Неужели у вас нет лекаря для рабов?

– Я не желаю связываться с низкопробными костоправами. Они мне неприятны.

Вариус брезгливо коснулся кончиками пальцев повязки и тут же отдернул руку.

– Вы не могли хотя бы приказать... помыть её.

Маркус почувствовал раздражение. Вариус позволял себе слишком много. Но раньше, чем патриций ответил, прозвучал абсолютно твёрдый голос с отчётливым северным акцентом.

– Я здорова, – сообщила Риана. Она снова попыталась сесть, и на сей раз ей удалось оторвать плечи от деревянной доски.

Маркус этого не заметил. Поведение лекаря оскорбило его лично. Уступить сейчас означало породить грязные слухи о собственной слабости. Вкупе с неудачей на арене это приводило в ярость.

– Вариус, – сказал он тихо, – я плачу чистым золотом. За работу и за молчание. Уверен, я не единственный ваш клиент, желающий странного.

– Позвольте, – усмехнулся Вариус, – даже самые развращённые не предлагают мне ощущать перепачканных в грязи рабов.

– Мне не нужен лекарь, – повторила пленница и ещё раз попыталась встать.

Сильная рука Маркуса припечатала её обратно к ложу.

– Я сказал, лекарь Вариус, что мне требуются ваши услуги. Вы окажете мне их – так или иначе.

Немигающим взглядом он смотрел в глаза лекаря. Тот не был даэвом. Разве что маленькая примесь древней крови. Вариус чувствовал, как от одного взгляда Маркуса по жилам разливается ледяная ртуть.

Он открыл рот, но ничего так и не произнёс. Только повернулся к валькирии и принялся распутывать повязку.

Маркус отошёл к столу и наполнил бокал вином. Затем переместился к окну, за которым медленно колыхались на ветру верхушки кипарисов. Небо было почти чистым. Дым от очагов, обычно застилавший горизонт по ночам, отнесло ветром к востоку, и дышалось теперь необычайно легко.

– Дрянная рана, – сообщил скрипучий голос из-за спины патриция, – можете делать со мной что хотите, господин Цебитар, но здесь полно грязи, похоже, будет заражение.

– Что это значит? – спросил Маркус, не оборачиваясь.

– Это значит, господин мой, что нужно или бережнее обращаться с имуществом, или не тревожить по ночам честных людей. Пару часов назад я мог бы просто промыть рану и наложить швы. Теперь же... надо удалять.

– Удалять что? – спросил Маркус, обернувшись.

– Руку, патриций, руку. Вот отсюда, – он ткнул пальцем в самое плечо валькирии.

– Я здорова, – прошипела та сквозь зубы в третий раз.

– Зачем же мне валькирия без руки? – спросил Маркус.

– Вот и я не знаю, зачем. На вашем месте я бы её продал, пока она ещё цела. Или выкинул в канаву, – Вариус помолчал. – Но если будем удалять, мне нужно сходить за инструментами.

– Вы свободны, – Маркус подбросил в воздух мешочек с монетами, и лекарь ловко поймал его на лету, – благодарю за визит.

Вариус поклонился – не более, чем того требовала учтивость – и вышел.

Маркус повернулся к рабыне.

«Вот почему Клементе удалось её купить», – подумал он.

Когда дверь приоткрылась, выпуская лекаря наружу, Маркус крикнул в тёмный проём:
– Шиана!

Затем подошёл к воительнице и спросил, разглядывая её обожжённое солнцем и исхудавшее лицо:

– Ты в самом деле не можешь встать?

Валькирия не отвечала. Она прикрыла глаза. Отвратительно было понимать, что, несмотря на то, что руки её свободны, она всё так же полностью во власти даэва. Свобода казалась такой близкой – но не было сил не то, чтобы воспользоваться ей, даже шевельнуться.

Риана вздрогнула, почувствовав, что рука патриция приподнимает её, помогая сесть. Но даже так, едва лишившись опоры, она начала заваливаться на бок.

– Маркус Цебитар, – произнесла она одними губами. Что было в этом даэве такого, что заставляло Хозяина произносить его имя шепотом?

– Помоги мне перенести тебя, – сказал тем временем даэв и, обхватив рабыню за поясницу, заставил её встать. Валькирия была лёгкой, будто пустая кукла. Намного легче любого даэва. Под обожжённой и изрезанной шрамами кожей отчётливо прощупывались кости.

В глазах у Рианы помутилось, но она инстинктивно дважды переставила ноги, пока не почувствовала, что Маркус отпускает её.

Когда кровавое марево расступилось, она обнаружила, что лежит на просторной кровати, застеленной шёлковым покрывалом. Слегка повернув голову, чтобы рассмотреть Цебитара, Риана вместо этого увидела в дверном проёме стройную девушку в полупрозрачных шароварах, с лицом, скрытым чадрой.

– Шиана, воду для омовения и ужин, – сказал патриций, проследив за взглядом валькирии.

Шиана изогнулась в грациозном поклоне и исчезла в темноте. Отпустив валькирию, Маркус невольно отряхнул руки одну о другую.

Риана стиснула зубы.

– Как твоё имя? – спросил даэв.

– Риана, – процедила рабыня и в упор уставилась на Цебитара.

Маркус поднял брови. Кое-что в именах валькирий он всё-таки понимал. И прозвучавшее слово не было похоже ни на одно из них.

На пороге снова показалась Шиана. На сей раз следом за ней шёл управляющий. Шиана несла в руках серебряный поднос с едой, управляющий – небольшую умывальницу, тоже серебряную. Когда взгляд его натолкнулся на валькирию, римлянин на секунду замер, но ничего не сказал. Риана, которая была по горло занята собственными ощущениями в постепенно оживающих конечностях, всё же заметила эту секундную заминку, но лишь стиснула зубы и ответила упрямым взглядом.

– Что-то ещё, господин? – спросил управляющий.

Маркус только махнул рукой, отпуская обоих. Он сел на край кровати и поставил на колени умывальницу. Взял в руки губку и повернулся к Риане. Патриций, конечно, предпочёл бы оставить это унижительное занятие слугам, но опыт с лекарем показал, что это бесполезно.

В сопровождении пристального и недоумённого взгляда Рианы, он поднёс губку к рваной ране на плече пленницы и легко коснулся её края. Риана вздрогнула. Маркус перевёл взгляд с раны на лицо валькирии. Оно ничего не выражало.

– Очень больно? – спросил Маркус, без особого, впрочем, сочувствия.

– Обычная рана, – ответила Риана, и Маркус отметил про себя, что рабыня больше не язвит.

Маркус отвернулся и ещё раз аккуратно коснулся раны с другой стороны. Губка оставила на коже, покрытой толстым слоем грязи, заметный светлый след. Маркус отжал её и, снова намочив, повторил движение.

– Лекарь сказал правду? – сухо спросила Риана.

Маркус приподнял взгляд и надломил бровь.

– Придётся... – она сделала паузу. – Удалять?

Маркус честно пожал плечами. В медицине он понимал примерно столько же, сколько не понимал в лошадях.

Риана перехватила его руку, державшую губку. И поймала взгляд патриция.

– Пожалуйста... – Риана прокашлялась. Слова давались ей с трудом, но не потому, что она была слишком слаба. Одно за другим приходилось произносить те слова, которые она с

трудом могла бы сказать даже валькирии. – Пожалуйста... господин... разрешите мне посмотреть.

Маркус непонимающе глядел на неё.

– Зеркало... Дайте зеркало.

Маркус кивнул. Он опустил губку в изрядно помутневшую воду и встал. Подошёл к столику с драгоценностями и, взяв со стола небольшое зеркало в резной деревянной раме, поднёс его к плечу валькирии. Маркус хотел было отдать его Риане, но потом подумал, что та может не удержать хрупкий предмет.

Риана повернулась к зеркалу, разглядывая рану. Затем подняла здоровую руку и раньше, чем Маркус успел перехватить её, запустила пальцы в глубину разорванных тканей.

Маркус торопливо отвернулся.

Некоторое время он стоял, глядя в непроглядную темноту за окном.

– Уже всё, – сказала Риана тихо и как-то умиротворённо, – спасибо. Большое спасибо.

Маркус повернулся. Валькирия лежала, откинув голову на подушки, и тяжело дышала. Глаза её были прикрыты. Похоже, последнее действие стоило ей остатков сил. В окровавленной руке она сжимала что-то белое. Присмотревшись, Маркус понял, что это обломок зуба виверны.

Глава 6. Договор

Риана пришла в себя в маленькой комнатке, погружённой в полумрак. У одной стены стояла кровать, на которой девушка и лежала. В изголовье постели – тумба, на ней – горящая лампадка, глиняный кувшин с водой, стакан и нож в кожаных ножнах. Особенно её заинтересовало последнее.

«Он сам даёт мне возможность себя убить? Какой в этом смысл?»

Оглушающее осознание свободы – от цепей, от плена, от необходимости стоять на коленях и терпеть прикосновения ненавистных рук нахлынули на Риану. Пусть всё только начиналось, и предсказать, что ждёт её в доме Маркуса Цебитара, пленница не могла, но она впервые за долгие годы имела достаточно свободы, чтобы по своему желанию шевельнуть рукой или ногой. Более того, она видела перед собой нож и могла воспользоваться им – чтобы убить проклятого даэва, как хотел того Хозяин. Или... Риана затаила дыхание при этой мысли. Убить себя саму. Совершить, наконец, поступок достойный катар-талах, а не той жалкой твари, которой она стала.

Несколько долгих секунд Риана смотрела на нож и обдумывала эти два варианта – но принять решение так и не смогла. Сквозь маленькое окошко в комнату проникал звёздный свет, и Риана хотела ощутить воздух свободы ещё раз. Ещё недавно она не могла и представить, что когда-нибудь у неё появится такой шанс. А теперь её оставили одну, без оков. Риана закрыла глаза и сделала глубокий вдох, успокаивая взбесившееся сердце.

Опыт, полученный за годы жизни в плену, говорил, что даэвам нельзя доверять. Каждое слово патриция – двойная ложь.

Голос наставника, который Риана всё реже слышала в бреду, говорил, что нельзя принимать решения, которые не обратит, если ты полностью не уверен в них.

Риана не была уверена ни в чём.

Она попробовала пошевелиться. Определённо, она выздоравливала. Всё тело ныло, как после простуды, но это само по себе показалось прекрасным.

Она протянула здоровую руку и взяла нож. Зажав ножны между бёдер, вынула его и осмотрела лезвие. Рукоять была очень простой, перетянутой бычьей кожей только затем, чтобы не скользить в руках. Но лезвие выглядело вполне надёжным.

Риана спрятала нож обратно в ножны и, положив на тумбу, осторожно села на постели. Голова слегка кружилась. Валькирия вытянула перед собой руки и осмотрела покрытые шрамами запястья. Следы от кандалов отпечатались на коже алыми знаками, но кто-то обработал их. Тут же вспомнив про другую, куда более страшную рану, Риана осторожно коснулась плеча и обнаружила, что его затягивает бинт. Страх нахлынул солёной волной, страх остаться калеккой был куда сильнее, чем страх возможной смерти или любой другой. Риана закрыла глаза, заставляя себя успокоиться и сгорая от презрения к собственной слабости.

«Бесполезная трусливая тварь. Твой хозяин был прав».

Риана сделала ещё один глубокий вдох и попыталась заставить себя сосредоточиться на том месте и времени, где находилась сейчас.

Осторожно подвигала прокушенным плечом. Оно оказалось неумело, но старательно перебинтовано. Пальцами уже можно было шевелить, но более серьёзные движения отдавались ноющей болью в повреждённых тканях.

Убедившись в том, что руки целы и даже слушаются её, Риана осмотрела свои обнажённые ноги и пришла к выводу, что и там критических повреждений нет. Затем ещё раз обвела взглядом комнату.

На другом конце постели Риана обнаружила одежду – коричневые кожаные брюки, белую батистовую сорочку и алую бархатную безрукавку. Риана взяла вещи в руки. При ближайшем

рассмотрении одежда оказалась весьма поношенной, но абсолютно целой и только что вычищенной. Это было приятно.

Не сдержавшись, она потёрлась щекой о нежную ткань сорочки. На глазах проступили слёзы. Она давно уже забыла, что прикосновения к чему-либо могут доставлять удовольствие.

Осторожно, стараясь не тревожить рану, Риана натянула брюки и рубаху. Рядом на полу обнаружилась пара таких же поношенных, но вполне добротных, а некогда даже роскошных сапог.

Сапоги она тоже трогать не стала, хотя уже заметила в них большую пользу – они позволяли спрятать кинжал.

Поколебавшись, Риана взяла нож и засунула его под матрас. Расхаживать с оружием по дому вряд ли пристало, даже если это дом даэва – рассудила она. Взяла в руки лампаду и поднялась на ноги.

Уже вставая, бросила взгляд на окно в изголовье кровати – в тёмно-синем небе плыл умирающий серп луны. В ту ночь, когда валькирия видела её в прошлый раз, луна была полна.

Риана невольно шагнула к окну, выглядывая наружу – окна выходили на сад, отгороженный забором вдалеке от города.

Меж стройными стволами олив царила тишина, лишь слабо отблёскивала в темноте поверхность фонтана и тихонько журчали струи воды. Над простым бассейном возвышалась стела. С её мраморного бока смотрел грозный лик незнакомого божества – хранителя дома.

Чуть в стороне виднелась гранитная глыба мавзолея – памятника предкам, которые покровительствовали каждой знатной семье.

В саду и дальше, за оградой, царила тьма. Не горели лампы ни в одном окне. Только далеко-далеко за перекрёстком мерцали огни факелов и скользили тени людей.

Ещё дальше, за чёрными контурами домов, виднелось море. Риана на мгновение зажмурилась, не веря тому, что видит. До сих пор она не оказывалась так близко к морю никогда. Открыла глаза и долго смотрела на тусклые огоньки звёзд. По ним она ориентировалась хорошо, и теперь впечатывала в память незнакомый рисунок созвездий – небо Рима она тоже видела в первый раз.

Наконец, отвернулась и направилась к двери.

Выйдя из комнаты, Риана оказалась на отгороженном витым парапетом от нижнего этажа узком балконе, который опоясывал залу со всех сторон. Кроме той двери, которая оказалась у Рианы за спиной, здесь были и другие. Заглянув в одну из них, валькирия увидела такую же небольшую комнатку, как и та, которую выделили ей. Света нигде не было – единственную лампаду Риана держала в руках.

Одинокая узкая лестница в дальнем углу вела вниз.

Там, под парапетом, виднелся украшенный мозаикой пол. Отдельные кусочки самоцветов, сложенных в фигуры героев и богов, откололись, и сам пол покрывала пыль.

Луна, падая через отверстие в потолке, освещала облупившиеся фрески, которые покрывали стены: лазоревые, красные и охристо-жёлтые всполохи смешивались в одно бесконечное батальное полотно. Внизу, под самым отверстием, находился прямоугольный бассейн, в середине которого стоял высеченный из оникса многохвостый дракон.

У самого выхода, в небольшой нише, дремали двое – крупный мужчина с короткими и курчавыми, как у многих латиносов, волосами устроился на скамье, укрывшись потускневшим алым плащом, а у ног его свернулся калачиком мальчик в одной набедренной повязке из белого льняного полотна.

Риана стиснула зубы – она не понимала, что заставляет одних людей так унижать других. Но тут же заставила себя сосредоточиться на более важных вещах – например, на том, что присутствие охраны означало, что валькирия не сможет так просто покинуть дом.

Риана прикрыла глаза, прислушиваясь к движениям воздуха вокруг.

Дом, в котором она оказалась, насчитывал два этажа. Центральный вход его смотрел на одну из вершин капитолийских холмов. Небольшой садик с фонтаном – не тот, что Риана видела из окна – отделял передние ворота от парадного входа. Массивные двери с литыми волчьими мордами прятались среди стройных колонн. Снаружи всю виллу окружала глухая стена, часть которой Риана уже видела.

Ближайшие комнаты были пусты. Только в нескольких, на таких же узких кроватях, как у Рианы, дремали слуги.

Тот, кого называли Маркус Цебитар, находился на нижнем этаже, прямо под ней. Просторные комнаты, в одной из которых отдыхал патриций, от зала отделяла раздвижная деревянная перегородка.

Цебитар возлежал на просторной кровати с балдахином. Риана не заметила, чтобы даэв был чем-то занят, и предположила, что тот уже спит. Это давало ей хорошую возможность рассмотреть своего противника поближе.

Миновав балкон, Риана стала спускаться по лестнице и только теперь сумела разглядеть гравюру, украшавшую перегородку: из пенящегося океана, на фоне тонущего в дымке горизонта, вздымалось гибкое тело многоголового чёрного змея. Три пары глаз пристально смотрели на валькирию, замедлившую ход.

Усмехнувшись этой иллюзорной угрозе, Риана бесшумно пересекла атриум и раздвинула перегородки.

По другую сторону находился кабинет. В центре стоял большой стол из чёрного дерева, на котором лежали приборы для письма. Возле него – изысканное кресло с алыми подушками и деревянными подлокотниками. По сторонам – несколько скамеек для гостей. Вся мебель – с точёными ножками, украшенными инкрустациями из слоновой кости и бронзы. Тут и там стояли светильники в высоких канделябрах, но ни один из них не горел. Зато жаровня в углу пылала, и от неё по всей комнате распространялось тепло.

Дальнюю стену заменяла бархатная занавесь, и, приоткрыв её, Риана увидела обнесённый четырьмя стенами сад. По периметру просторное помещение окружала великолепная белая колоннада. С потолка между колонн свисали мраморные диски, на поверхности которых виднелись новые эпизоды из жизни священных предков. Лёгкий ветерок заставлял их слегка колебаться, и вся колоннада казалась подвижной и живой.

Лекарственные растения источали пряные ароматы, и Риана ненадолго закрыла глаза, позволяя себе отдаться на волю чувств. После долгих лет, проведенных в затхлой темнице, а затем в бараке для рабов, это место казалось раем. Запахи мирта и самшита, лавра и олеандра щекотали ноздри.

Риана снова подняла веки, разглядывая оплетённые плющом колонны. Под ногами растлались клумбы с фиалками и нарциссами, лилиями и ирисами. Однако не укрылось от глаз Рианы и то, что кипарисов и платанов давно не касались ножницы садовника, а роскошные цветы перемежались сорняками.

Риана снова прикрыла глаза, но теперь уже для того, чтобы определить направление. Покои Цебитара находились справа, вход в них укрывала одна из колоннад.

Риана спустилась, прошла по усыпанным гравием дорожкам и бесшумно, как ей казалось, открыла дверь.

Однако стоило пересечь порог и посмотреть в сторону кровати, как Риана встретила с тяжёлым немигающим взглядом Цебитара.

Высокая кровать с тяжёлым пологом стояла в глубокой нише в стене, так что к ней можно было подобраться только с одной стороны. Расшитое серебром покрывало с яркими пурпурными, лазурными и жёлтыми полосами было отброшено в сторону и частично сползло на моза-

ичный пол. Множество подушек лежали тут и там. Стену с окном, смотревшим на океан, прикрывали густо драпированные бархатные шторы.

В углу, на столике с резными ножками в виде звериных лап, каких в этом помещении было множество, стоял мраморный бюст. Лицо мужчины, которого он изображал, походило на Маркуса, но высокие скулы и впалые щёки делали его заметно старше на вид.

Риана не была уверена, какая реакция последует за её дерзким проникновением. Однако показалось, что она должна что-то сказать. И она произнесла:

– Спишь с открытыми глазами?

Она бы не удивилась, если бы даэв, сорвавшись с места, вскочил и ударил её. Впрочем, Риана рассчитывала, что тот ещё не до конца проснулся, и это дало бы ей шанс ускользнуть.

Цебитар даже не шевельнулся.

– Да, – сказал он равнодушным и твёрдым голосом.

Затем плавно и неторопливо, как ленивый объевшийся чёрный кот, приподнялся на подушках и провёл рукой по растрёпанным волосам. Риана заметила, что Маркус одет так же, как она – в одну только свободную батистовую сорочку и кожаные брюки, только его штаны были чёрными и чуть меньше изношены. Лицо патриция выглядело скорее усталым, чем невыспавшимся.

Маркус встал и подошёл к столу. Риана увидела, что стол ломится от яств и накрыт на двоих.

– Клементы сегодня не пришла, – сказал патриций медленно. Он прикрыл глаза и отвернулся от стола. Маркуса мучило. Ему вполне хватило долгого рабочего дня и вечера в обществе императрицы Клавдии, чтобы чувствовать себя вымотанным и разбитым. Никакие валькирии сейчас ему были не нужны. Он уже не знал, зачем решил купить эту гладиаторшу и что собирается с ней делать. И, самое главное, Маркус не хотел думать об этом прямо сейчас.

И в то же время мысль о том, что остаток этого долгого осеннего вечера он проведёт в одиночестве, пробуждала в патриции неясную тоску.

– Садись, – сказал он, кивнув на один из стульев.

Риана посмотрела на стол, уставленный блюдами с мясом, рыбой, свежими и маринованными овощами. Она не помнила, когда видела еду последний раз, но прекрасно понимала, что нужно быть осторожнее. Один вид всех этих яств – красиво сервированных и лежащих на столе, не в пример всему тому, что она ела последние годы – вызывал у неё едва сдерживаемое желание наброситься на это всё, не дожидаясь разрешения Маркуса. И всё же Риана остановилась в отдалении, скрестила руки на груди и спросила:

– Предполагается, что я буду тебя развлекать?

– Предполагается... – медленно и задумчиво повторил патриций, а затем произошло то, чего Риана ждала с того момента, как вошла в комнату.

Маркус молниеносно подхватил кнут, брошенный на кресле, и ударил им туда, где должна была стоять Риана.

Только потому, что валькирия ждала этого с самого начала, она успела отскочить и, перекувырнувшись, оказаться около стола. Она схватила нож, лежавший возле тарелки Маркуса и, зигзагами уходя от ударов кнута, следовавшими один за другим, в три скачка оказалась около патриция. Если бы её левая рука работала чуть лучше, возможно, она бы выбила ею кнут из рук Цебитара и всадила нож в открытое в разрезе рубахи горло. Однако вместо этого валькирия обнаружила, что, отбросив кнут в сторону, Маркус перехватил её удар, а свободной рукой развернул валькирию спиной к себе.

Пока Риана молча пыталась вырваться, Маркус произнёс:

– Отлично.

И спокойствие его голоса внезапно передалось пленнице, будто ледяная вода, смывающая ярость и безумие, застилавшие глаза. Риана расслабила руку, подчиняясь воле даэва, и тот тут же её отпустил.

– Я, кажется, придумал, для чего ты мне понадобишься. Садись, и я расскажу.

Патриций выпустил пленницу, и Риана инстинктивно сделала шаг в сторону, на ходу поворачиваясь к нему. Она понимала, что бой проигран, но побороть привычки, выработанные годами обучения, не могла.

Маркус смотрел на неё. Насмешка исчезла из зелёных глаз, и теперь Риана, к собственному удивлению, обнаружила в них тревогу. Эта тревога не имела ничего общего со страхом смерти, который Риана не раз видела в чужих глазах.

Этот взгляд зачаровывал её, сковывая ненависть не хуже уверенных рук.

«Что за руна даёт ему эту власть?» – снова подумала валькирия и отвела глаза.

Глава 7. Ужин

Всё ещё тяжело дыша, Риана подошла к столу и опустила на полированную поверхность нож.

– Не надо, – остановил её Маркус, – пусть будет у тебя. Тебе понадобится оружие.

– Но... – Риана хотела сказать, что оружие у неё уже есть, но осеклась на полуслове. Цебитар дал ей одежду – изысканную и дорогую, но поношенную, как и весь этот особняк. И Цебитар предлагал ей кинжал – с наградной гравировкой на лезвии и рукоятью, которая стояла больше, чем все остальные его подарки вместе взятые. Непохоже было, что тот – другой нож – мог бы принадлежать Цебитару...

Риана помотала головой, отгоняя несвоевременные мысли.

Она нерешительно опустила на стул напротив Маркуса – патриций уже занял своё место.

Маркус отрезал себе ломоть бараньей ноги, лежавшей на самом большом подносе, и, отделив от него маленький кусочек, без аппетита запихнул в рот. Потом посмотрел на Риану и её пустую тарелку.

– Простите, – сказала валькирия, старательно контролируя интонации, – я давно не была в обществе и плохо помню, как вести себя за столом.

– Это плохо, – задумчиво сказал Маркус, прожевав мясо, – обычно у рабынь-валькирий отличные манеры.

Риана резко выдохнула воздух сквозь стиснутые зубы и так сжала пальцами столешницу, что костяшки побелели.

– Так выкиньте меня на улицу. Разве не так даэвы поступают с неудачными покупками?

Маркус прожевал ещё один кусочек мяса и спокойно ответил:

– Во-первых, я тебя не покупал. Ты – подарок дорогого мне человека, и мне придётся сохранить тебя, хотя бы на некоторое время. Во-вторых, даже собаку можно научить выполнять несложные трюки. А я – мастер дрессировки. И, в-третьих, у меня появились на тебя кое-какие планы.

Маркус покрутил в пальцах фужер, сквозь тонкий хрусталь наблюдая за реакцией валькирии.

– Забавно, – сказал он в итоге, – такая хладнокровная и безразличная, но под маской спокойствия бушуют ураганы. За тобой интересно наблюдать.

Риана медленно вдохнула и так же медленно выдохнула.

– Ты издеваешься? – спросила она со всем доступным ей спокойствием.

Маркус кивнул и сделал глоток вина.

– Мне показалось, у тебя есть чувство юмора, – добавил он, любуясь, как смешанные эмоции сменяют друг друга на лице валькирии. И закончил уже мягче: – Ешь. Мне нужны не твои манеры, а твоё умение убивать.

Последняя фраза подействовала на Риану лучше любого успокоительного. Она ощутимо расслабилась и аккуратно отрезала себе самый мягкий кусок мяса.

Всё ещё покручивая в пальцах хрустальный фужер, Маркус наблюдал, как, вопреки предупреждению, валькирия грациозно нарежает мясо и кладёт его в рот. Не зря из этих существ получался отменный эскорт. Большинство из них – особенно те, что выросли в неволе – обладали непревзойденной чувственностью и мягкостью характера. Со старшим поколением бывало труднее... но и их было несложно подчинить.

– Сколько тебе лет? – задал Маркус внезапно пришедший ему в голову вопрос.

– Понятия не имею, – ответила валькирия, – по вашим меркам я едва достигла совершеннолетия, когда попала в плен.

Маркус поката́л на языке капельку вина.

– Около тридцати... Это много для валькирии? Ты не выглядишь на тридцать. А впрочем...

Риана замерла, едва разбирая слова даэва.

– Столько лет... – прошептала она едва слышно. – Столько лет... что же стало с моим народом?

– Корона Севера перестала существовать семь лет назад. Вечный Рим владеет всем материком на севере, юге и западе. На востоке наши границы пока заканчиваются степью. Но там некого покорять. Только жалких кочевников, которые бегут при виде наших легионов.

– Столько лет... – повторила Риана и, чтобы отвлечься, тоже наполнила свой бокал. – Ладно. Это пока не имеет значения. Зачем я вам понадобилась?

Маркус снова поката́л на языке вино, раздумывая, с чего бы начать. Странно, но в присутствии этой валькирии он и сам немного расслабился...

– Меня хотят убить, – сказал он просто.

Риана вздрогнула.

Маркус в упор смотрел на неё: он не столько ожидал какой-либо реакции, сколько был погружен в собственные мысли.

– Интересно, почему? – спросила Риана.

– И правда... немного интересно. Но мне нечего тебе ответить.

– Хорошо, – кивнула Риана, – и чего же ты хочешь от меня?

– Ну, – проговорил даэв, неторопливо наполняя новый бокал, – попробуй это, – он кивнул на тот кувшин, который держал в руках, – оно не такое сладкое. Так вот, – продолжил он, – раз уж мне подарили хорошего бойца, хоть и в плачевном состоянии, и я всё равно потратил силы на то, чтобы его вылечить... я подумал, почему бы мне не использовать тебя по назначению?

Риана медленно пригубила вино, которое посоветовал ей Маркус, выигрывая время и успокаивая сердцебиение.

– Честно говоря, – сказала она, – ты на удивление разумен для даэва.

Это «ты» слегка покори́ло Маркуса, но он промолчал, ожидая продолжения.

– Но почему ты считаешь, что я стану верно служить тебе?

Маркус пристально посмотрел на рабыню. Он знал множество способов сделать человека преданным. Но ещё он знал, в каком случае некоторые из них лучше не применять.

– Я не стану ни угрожать тебе, ни уговаривать. И то, и другое будет оскорбительно для одного из нас – и ни то, ни другое не принесёт результата.

Маркус положил в рот ещё кусочек мяса, ожидая реакции валькирии.

Риана молча рассматривала человека, которого ей приказали убить. Пожалуй, она предпочла бы сначала покончить с Хозяином. Но и этот был даэвом. А любой даэв стоил своей смерти.

Впрочем, теперь всё было немного сложнее.

– Вы наверняка знаете обычаи моего народа.

– В них нет ничего особенного, многие народы платят долг жизни. Мы и сами заимствовали этот обычай, но быстро от него отказались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.